

The background of the cover is a dramatic illustration of a Space Marine in full golden armor, leaping through a cloudy, smoke-filled sky. He is holding a large, black power fist in his right hand, which is extended forward. In his left hand, he carries a large, cylindrical object, possibly a canister or a piece of equipment. The scene is filled with dynamic lighting, with bright orange and yellow flames or explosions visible in the lower left and center. The overall tone is heroic and action-packed.

WARHAMMER

40,000

EDITED BY NICK KYME AND LINDSEY PRIESTLEY

HEROES OF THE SPACE MARINES

FEATURING NEW STORIES BY NICK KYME, GRAHAM McNEILL,
STEVE PARKER, GAV THORPE AND MORE...

ОГНИ ВОЙНЫ

Предыстория романа «Саламангра»

- - ОБРАДУЙ МЕНЯ, ХЕЛЛИТАН, --
проворчал полковник Тонхаузер. Старый
солдат говорил краем

рта с тлеющей межгуб губати сигарой.

Он инстинктивно пригнулся, когда
мастерскую до самого основания сотряс
еще один взрыв, и с

потолка на расстеленную на верстаке
карту посыпались кусочки рокрита.

-- Этот был уже ближе... -- пробормотал
Тонхаузер, выдыхая дым и уже в сотый раз
отряхиваясь от

пыли и мусора.

Тяжело сдавать собственный город врагу.

А когда враг -- внутренний, это еще более
отвратительно. Но именно с такой
суровой реальностью пришлось
столкнуться Абелью Тонхаузеру

из 13-го авиакорпуса Стратоса. Он и так
уже отступил перед бесконечными органами
культистов-

лятежников, и, тем не менее, они рвались

дальше. Скороничего не останется.

Защита трех

первостепенных городов Стратоса была на грани краха. Значок облака и молнии, хоть и покрытый

грязью за многие недели сражений, гордо висел на двубортной коричневой кожаной куртке. Он

был всего лишь из меди, но весил не меньше наковальни.

Здание мастерской, которое полковник превратил в свой командный пункт, было полно

вышедшего из строя авиационного оборудования и более или менее починенных механизмов;

кроме того, здесь находился авиаремонтный цех для дирижаблей и других летательных аппаратов,

бывших неотъемлемой частью жизни на Стратосе. Пол был завален баллонами со сжатым

воздухом, изтерителями давления и кольцами ребристых шлангов. Зал, в

котором Тонхаузер

совещался с сержантом Хеллиманом, в то время как рядовой Айкер прослушивал вокс-каналы,

были широкими глиняными, заканчивающимися угловатыми арками высокими опорными

колоннами из хрома и полированной пластали.

Типичное для архитектурного стиля стратосцев, некогда прекрасное сооружение теперь было

прошито дырами от пуль и в некоторых местах обрушено взрывами снарядов.

Затинированный

повстанцами самолет-буксировщик снес изрядный кусок выходящей на юг стены вместе с

большой частью командного штаба полковника. Времени на ремонт не было, поэтому дыру просто

закрыли листом пластика.

Эта в высшей степени бессмысленная мера безопасности едва ли могла заглушить

доносящийся

снаружи спорадический огонь и
непрерывные взрывы от мин-ловушек и
краденых гранатометов.

Чтобы быть услышанным, сержанту
Хеллиману приходилось кричать изо всех
сил.

-- Под контролем повстанцев все еще
остаются три лофт-города, сэр -- Кутулон,
этот Нилбарос и

Киррион. Мятежники также разрушили
все небесные мосты, кроме трех главных,
ведущих в те
территории.

-- Что насчет наших наземных сил, они
хоть немного продвинулись? -- спросил
Тонхаузер,

натягивая фуражку, сначала козырьком на
затылку и лба. Ему очень хотелось, чтобы
выбивать

повстанцев поручили кому-нибудь другому.

Хеллиман выглядел стирившимся, за
последние недели молодой боец сильно
истощал и стал

бледным как привидение.

- - Наше вторжение в города встретило сильное сопротивление. Повстанцы окопались, и они хорошо организованы.

Хеллитан остановился, чтобы прочистить горло.

-- По всем городам деятельностью культуры было ороverzащено, и о крайней мере, девяносто тысяч

человек. Они удерживают все фактории с материальными ресурсами и пользуются нашими

запасами. В том числе и бронетехникой.

Тонхаузер посмотрел развернутые на верстах карты города, ища потенциальные направления

атаки, которые он мог не заметить. Но увидел лишь теснины и огневые мешки, в которые мог

угодить авиакорпус.

Хеллитан с тревогой ждал ответа от Тонхаузера, и молчание заполнило доносящаяся из

котандного вокса безумная болтовня.
Сидевший у квадратного аппарата в углу
мастерской

рядовой Айкери зовсе хсил старался
получить чистый сигнал, но после
уничтожения

ретранслирующих вышек на всех каналах
царила статика. Тонхаузеру не было
нужды слушать

вокс-доклады, чтобы понимать, что их
дела обстояли плохо.

-- Тогда что мы удерживаем? -- наконец
спросил он, взглянув в уставшие глаза
сержанта.

-- Наши безопасные зоны...

Но мастерской глухо прокатился
резонирующий взрыв, оборвав Хеллимана
на полуслове. Сквозь

пластик по направлению к сержанту
ринулся поток огня. Из-за сильнейшего
жара снаружи,

пластик начал превращаться в жидкость,
тая вокруг несчастного Хеллимана.

Повалившись на спину, Тонхаузер громко

вырвался, но у него достало присутствия
духа, чтобы

вытащить боевой пистолет и
выстрелить вопящему сержанту в голову,
прекратив его дальнейшие
мучения.

Все еще слыша звон в ушах, Тонхаузер
увидел вбежавшую сквозь проеденную огнем
дыру в

пластике фигуру. Это был человек, или,
на крайнем мере, его взлохмаченное
подобие, одетое в

рванье и бронежилет. Его волосы были
грубо обкорнаны. Наполненные ненавистью
глаза

заметили Тонхаузера. Но застыть
верного стратосца заставил рот
существа. Он был зашит толстой
черной проволокой, его пробитые насквозь
губы и щеки были сизыми от пурпурно-
синих вен.

Тонхаузер сначала подумал, что
повстанец был безоружен. Затем он
заметил зажатую в левой руке

гранату.

-- Святой Император...

Тонхаузер выстрелил ему в лоб. Заваливаясь на спину, повстанец разжал руку, и сильнейший взрыв разнес его тело на дымящиеся куски мяса.

Тонхаузера спас от смерти металлический верстак, но у него было мало времени, чтобы воздавать за это молитвы Трону. Сквозь дым и падающие обломки пробежало еще трое повстанцев, с такими

же защитными ртами, как и у первого. Двое были вооружены автоматами, в то время как третий нес грубо стасеренный тяжелый стаббер.

Сжавшись от огненного всполоха, Тонхаузер упал за тяжелый станок как раз тогда, как в цех

ворвался свинцовый ливень. С сердитым ревом он начал уничтожать зал, разрывая стены,

повреждая оборудование и расстреливая

сидевшего в углу рядового Айкера.

Поползши на четвереньках, Тонхаузер затем сжался в укрытии, вынув пустой магазин из

пистолета прежде, чем трясущимися пальцами потянуться за другим.

Ему никак не убить их всех...

Сквозь непрерывный шквал оружейного огня Тонхаузер сначала услышал недалекый звон чего-то

металлического, а затем увидел подкатившуюся к ноге гранату. Инстинкт самосохранения взял

верх, он дёрнулся к гранате и ударил её ногой. Секундой позже наг Тонхаузером пронеслась

неистовая волна жара, грохота и давления, а в вытянутую ногу впился кусок осколка.

Полковник закусил губу, чтобы не закричать.

«Не доставаю этим отбросам такого удовольствия», — подумал он.

Наг его головой стремительно пронеслись

лазерные росчерки, и стрельба резко прекратилась.

-- Полковник, -- несколькими мгновениями позже из-за другой стороны верстака прозвучал настойчивый голос.

-- Я здесь, -- прорычал Тонхаузер и сгорчился от боли, увиден торчавший из ноги зазубренный металл.

Пятеро стратоских бойцов с лазганатами наготове обогнули угол станка.

Тонхаузер разглядел нашивки первого солдата.

-- Появились как раз вовремя, сержант Рунка, но не полагается ли вам быть с полковником Цонном и 18-ым на границе Кирриона?

Второй рядовой нес портативный вокс. На всех частотах раздавалось гребезжание докладов,

сопровожаемое пульсирующим хором взрывов и приглушенным оружейным огнем со всех

концов Нилбароса.

-- Полковник Йонн погиб, сэр. И 18-ый
выходит из Кирриона. Город полностью
потерян, все наши

безопасные зоны под угрозой, -- сказал ему
Рүка. -- Мы пришли за вами.

Тонхаузер скривился, когда два других
бойца помогли ему подняться на ноги.

-- Что с Күмүлоном? Он тоже пал? --
спросил он, тиновав тела троих
культистов и шатающейся

походкой направляясь к запасному выходу
из цеха.

Голос сержанта был пустым, но
забоченным.

-- Мы потеряли их, сэр. Мы отступаем по
всем фронтам за пределы городов и
далее по небесным
мостам к Пилеону.

Как только они вышли на городские
улицы, шум доносившейся отовсюду
стрельбы резко

усилился. Тонхаузер посмотрел сквозь
укрепленный пластик купола города на

грозовое небо. Его

зрение затуманивал дым, скрывая из виду верхнюю атмосферу города. Отступая с сержантом

Рукой и его взводом, Тонхаузер остелелся, оглянувшись через плечо. Массовое отступление было в

самом разгаре. Толпы галек повстанцев приближались к их позициям, сжимая в руках

разнообразные ружья и самодельное оружие. Их боевые кличи приглушались сшивающей губы

проволокой -- и этот эффект выводил из себя. Даже не слушая их, Тонхаузер мог сказать, что враг

пошел в крупномасштабную атаку.

Прямонагух головами просвистела ракета, заставив Тонхаузера и остальных нырнуть. Она

попала в стену и потравила на магнитной подвеске, и образовавшийся взрыв поглотил

орудийную позицию авиакорпуса. Расчет

и з троих человек с воплями погиб среди
кирпичей и
огня.

Рұка резко сменил направление, уводя
Тонхаўзера и бойцов по боковому переулку
от рұшающегося
здания.

- - Трон, как это произошло? - - спросил
Тонхаўзер, когда Рұка завел их в переулок,
чтобы

подождать, пока все не закончится. -- Мы
ведь теснили их, не так ли?

- - Нас застали врасплох, - - сказал Рұка,
ныряя обратно в переулок, когда взрыв
бомбы осветил

дорогу за ним. -- Подорвали цепь мин-
ловушек, которые нанесли нашим войскам
тяжелый урон, а

затем перешли в массированное наземное
наступление. Они используют передовую
военную

тактику. При таком состоянии дел нам
никогда не отбить город. Мы должны
перегруппироваться.

Возможно, тогда нам удастся отбить Нилбарос и Кутулон, но Киррион...

Сержант замолчал, рассказав Тонхаузеру все, что знал о судьбе столицы.

-- Что насчет губернатора Варкоффа?

-- Он жив и находится в бункере, в Пилеоне. Это ближайший из малых небесных городов, который

все еще остается под нашим контролем. Сейчас мы туда и направляемся. Он ввел в действие

официальные протоколы бегства на всех астронавтических линиях и частотах дальней связи,

запрашивая немедленную помощь.

-- Сделай для меня одну вещь, солдат, -- сказал Тонхаузер. Полковник пошел к концу переулка и

увидел, как еще один взрыв повалил статую первого губернатора Стратоса. Она была символом

имперского правления и порядка. Объятая пламенем, она упала на землю и раскололась.

-- Что именно, сэр?

-- Стань на колени и молись, -- сказал
Тонхаузер. -- Молись о чертовом чуде...

...

*

...

ЗА ПОСЛЕДНИЕ СОРОК лет сон не
изменился.

Сначала было только непередаваемое
чувство жары, а затем Дак'ир вновь
оказался в горячей

темноте Узнейских пещер Ноктюрна. Во
сне он был всего лишь тальчиком, и,
прикасаясь

детской рукой к стене этого враждебного
места, он чувствовал ее шероховатость и
остроту.

Минеральные жилки блестели в свечении
лавовых бассейнов, питаемых огненной
рекой, которая

была кровью горы. Затем Узнея исчезла, а

Вместе с ней исчез свет от огненной реки,
перетекая в
новое видение...

Под одеждой в сандалии ногами Дак'ура
протянулось Плато Синдара цвета
ржавчины и улбры,

чья граница очерчивалась камнями-
тепелами. Но Пустыне Костров
кружились клубы золы,

скрывающие в тени охотившихся среди
скал чешуйчатых саурошей. Наверху
раздался гром,

будто Гора Смертельного Пламени была
готова закрыть небеса пламенем и дымом.
Но великая

гора Ноктюрна все еще грелась. Вместо
этого, Дак'ур взглянул вверх и увидел
несколько другое

пламя -- двигатели идущего на посадку
огромного корабля.

После приземления на аборисудна
открылась ратна, и оттуда вышел
могучий высокий воин,

облаченный в зеленые пластинчатые

доспехи, украшенные символом салатангр -
живущих близ
центра земли благородных существ. К
нему присоединились другие, Дак'ур знал
некоторых из них
- он работал рядом с ними, отстраивая и
собирая камни после Неры Испытаний. У
все же его

сердце дрогнуло от вида этих гигантов.
Ведь он знал, что они пришли за ним...

Картина вновь поменялась, а вместе с нею
поменялся и Дак'ур. Теперь у него была
мантия воина

и орудия войны. Его тело было облачено в
бронированный панцирь, в кулаке сжат
святий болт-

пистолет, ониксовая плоть была ярким
напоминанием о б е з о сверхчеловеческом
анофеозе. Над

Дак'уром, подобно серым стражам,
вырисовывались монолиты из камня и
императора, улицы были

установлены рядами урн с прахом, а воздух
наполнял резкое зловоние могильного

непла. Это был не

Ноктюрн, но Морибар, и небеса здесь были
окутаны смертью.

Где-то на границе этого серого и ужасного
мира Дак'ур услышал крик, и видение в его
мысленном

взоре исчезло, изменившись на лицо в огне.
Он столько раз видел его, «горящее лицо»,
агонизирующее и обвиняющее, никогда в
действительности не дающее ему покоя.
Оно горело и

горело, и скоро Дак'ур уже горел вместе с
ним, и наполнявшие его уши крики стали
его

собственными...

«Мы только хотели вернуть их
обратно...»

...

*

...

ДАКУР РЕЗКО ОТКРЫЛ глаза, выйдя

из боевой медитации. Остро ощущая свое
учащенное дыхание

и высокое кровяное давление, он провел
успокаивающие разум процедуры, которые
выучил,

вступив в ряды сверхлюдей, костических
десантников.

Вместе с оспокойствием пришло
понимание. Так и рстоял в полутраке
кельи уединения,

солитарие, одной из многих на борту
ударного крейсера «Гнев Вулкана». Она
была немногим

больше темницы -- небольшая, аскетичная
и со всех сторон окруженная холодными
темными

стенами.

Он быстро осознал подробности
воспитания.

Несколько недель назад он и получили
астронавтическое послание, которое
интерпретировал

рогный библиарий Нирил. Саламандры
направлялись к имперскому миру Стратос.

Одна из многих доходных добывающих колоний вдоль Пояса Агрона в секторе Редуктус

сегмента Темнестус, Стратос был очень ценен для Империи за океанические минералы и

регулярную десятину в виде призывников в Имперскую Гвардию. Спасение Стратоса и освобождение его жителей от наседавших кровожадных врагов было делом первостепенной важности.

За несколько часов до выхода на орбиту, Ко'тан Кадай определил шесть отделений, включая свою

«Агскую Стражу», на роль оперативной группы, которая должна будет высадиться на Стратос и

остановить анархию. Как диктовала Прометеева вера, все идущие в битву Саламандры должны

были сначала очиститься огнем и пройти длительную медитацию, чтобы сконцентрировать разум

на вере в собственные силы и внутреннем
духе.

Никого, кроме Дак'ира, не беспокоили
подобные приготовления.

Подобное не могло пройти незамечено.

-- Мой повелитель? -- спросил глубокий
звучный голос.

Дак'ир посмотрел в направлении, откуда
донеслись слова, и увидел закутанную
фигуру Цек. Его

жрец-клеймощик был облачен в зеленые
одеяния со знаком оргена -- рычащей головы
салатандры внутри кольца огня, --
вышитым янтарной нитью на груди. Под
служебной одеждой в

мерцающем свете факела была едва видна
полускрытая аугметика.

Палата была небольшой, но в ней было
достаточно места для спутников
Астартес.

-- Готовы ли вы к почетному
пиратированию, мой повелитель? -- спросил
Цек.

Дак'ир кивнул, все еще не отойдя от

сновидения. Он увидел, как Цек достает прут, раскаленный

добела в жаровне, на которой босиком стоял Дак'ур. Астартес едва ли испытывал боль от объятых

огнем углей. Все, что выдвигало его, были капли пота на лысине и ониксово-черном теле, на

котором не было ничего, кроме набедренной племненной повязки.

Ритвал был частью учения Прометеева Кюльта, которому упорно следовали все воины Саламандр.

Когда Цек приложил раскаленный прут к голой коже Дак'ура, он принял принесенную им боль.

Его пламенные глаза, подобные сатым горячим углям, выразили одобрение. Сначала Цек выжег

три полосы, а затем разделил их кругом. Отметины добавились ко многим другим, сделанным им

и другими жрецами-клеймовщиками на теле Дак'ура раньше, уже зажившим и

зарубцевавшимся,

явив тем самым живую историю многих битв Саламангр. Каждая из них означала выигранное

сражение и поверженного противника. Каждый воин Саламангр должен был быть отмечен

почетным шрамом до начала боя и после, знаменующая победу.

Отметки Дак'ира обвиняли его ноги, руку, часть туловища и спины. Они были замысловатыми, и с

добавлением каждого нового шрама становились все более детализированными. На лице же

подобные отметки мог носить только ветеран, ножесть в кампаний, Саламангра с многовековой службой.

Цек склонил голову и отступил в тень. Обетный сервитор поплелся по его следу на выгнутых

назад металлических конечностях, согнувшись под тяжестью спавленной со

спиной огромной

жаровни. Астартес потянулся и погрузил обе руки в железную кальдеру, зачерпывая пепел из

сожженного вещества, скопившегося на краях.

Дак'ир размазал белый пепел по лицу и груди, рисуя Прометеевы символы молота и наковальни.

Это были огни из важнейших изображений в Прометеевых верованиях, которые, как полагали,

придавали выносливость и силу.

-- В груди моей платя Вулканово бьется...

-- нараспев произнес он, делая глиняный взмах рукой,

чтобы вытянуть рукоять молота.

-- ... Которым сокрушу я врагов Императора, -- завершил грубой голос, позволяя Дак'иру накрыть

верхушку рукояти ладонью, образовывая тем самым навершие молота, прежде чем показаться.

Брат Фүгис вступил в свет жаровни,

громко лязгая при движении. Он уже был облачен в зеленые силовые доспехи, и без шлема. Его кроваво-красные глаза ярко пылали в полутраке. Как и подобает костическому десантнику его должности, правое плечо Фүгиса было окрашено в перельно-белый цвет апотекариев, хотя на левом располагался символ ордена -- рычащая пламенно-оранжевая голова саламандры на угольно-черном поле, -- как у остальных боевых братьев третьей роты.

Тонколицый и пугающий, некоторые в роту предполагали, что Фүгису скорее бы подошла более духовная специальность, нежели искусство исцеления. Но, оказываясь перед апотекарием, никто не осмеливался высказывать подобные «предположения» вслух из-за боязни возмездия.

Дак'ир отреагировал на внезапное появление апотекария менее чем приветливо.

-- Что ты здесь делаешь, брат?

Фүгис ответил не сразу. Вместо этого он провел биосчитывателем по телу Дак'ира.

-- Капитан Кагай попросил навестить тебя. Анализы лучше проводить до того, как облачишься в доспехи.

Фүгис затолчал, ожидая результаты биосканирования, его тонкое, как лезвие, лицо было натянуто подобно проводу.

-- Рүкү, Астартес, -- не глядя, добавил он, и указал на конечность Дак'ира.

Дак'ир протянул рүкү апотекарию, и тот, взяв ее за запястье, набрал в пробирку немного крови.

После того, как она была вставлена в миниатюрную центрифүгү, камера в его перчатке провела

биохимический анализ.

-- Всех моих братьев подвергли столь

с т р о з и т п р о в е р к а т ? - - сдерживая
раздражение в голосе,
спросил Дак'ир.

Фүзис был явно удовлетворен
результатами серологии, хотя тон его
оставался сухим.

-- Нет, только тебя.

-- Если брат-капитан сомневается в моей
силе воли, то ему следовало послать сюда
капеллана

Элизия.

Внезапно Фүзис схватил челюсть Дак'ира
в бронированный кулак и тщательно
осмотрел его лицо.

-- Как тебе наверняка известно, Элизий не
н а б о р т у «Гнева Вулкана», поэтому
проверить тебя

послали меня.

Указательным пальцем другой руки
Фүзис оттянул черную кожу под левым
глазом Дак'ира,

заставив щеку окрасится в кроваво-
красный цвет.

-- Ты все еще испытываешь

сонматбўлические видения во время боевых медитаций? -- спросил он.

Затем, явно удовлетворившись, он отпустил Дак'ура.

Брат-сержант почесал челюсть в том месте, где аптекарий сжал ее.

-- Если ты имеешь в виду мои сны, тогда да. Это иногда происходит.

Аптекарий с непроницаемым лицом взглянул на приборную панель перчатки.

-- Что тебе снится?

-- Я снова тальчик, а Ноктюрне в пещерах Узнеи. Я вижу день, когда прошел испытания на

Плато Синдара и стал Астартес, мое первое задание неофита...

Голос Саламандры затих, его лицо потрачнело от воспоминания.

Горящее лицо...

-- Ты единственный из нас, единственный из Огненнорожденных, кто когда-либо выбрали с

Узнеи, -- сказал Фугис, сверля Дак'ура взглядом.

-- Какое это имеет значение?

Фүгис никак не отреагировал на эти слова и вернулся к анализу.

-- Ты сказал, «мы только хотели вернуть и х обратно». Кого ты имел в виду? -- спросил он через некоторое время.

-- Ты был на Морибаре, -- произнес Дак'ир и сошел с жаровни в котле. Разгоряченная кожа начала

испускать пар, соприкоснувшись с холодным металлическим полом его кельи уединения. -- Ты знаешь.

Фүгис оторвался от своих инструментов и данных. Его глаза мимолетно стянулись от сожаления.

Однако они быстро сузились, вновь спрятавшись за холодным безразличием.

Он безрадостно растеялся, его губы изогнулись скорее в устешке, нежели в улыбке.

-- Ты готов к бою, брат-сержант, -- сказал он. -- Высадка на Стратос начнется менее

чем через два

часа. Встретится на палубе сбора шесть.

Затем Фугис механически отдал честь и повернулся спиной к брату Саламандре.

С уходом аптекаря Дак'ир почувствовал облегчение.

— У, брат Дак'ир... Не все из нас хотят вернуться обратно. Не все из нас могут вернуться обратно, —

сказал Фугис и растворился во тьме.

...

*

...

ПОВЕРХНОСТЬ СТРАТОСФЕРЫ
КОРЧИЛАСЬ в бесконечных бурях.
Кипящее буйство прочертила молния,
и грозовые облака столкнулись в сильных
вспышках, н о л и ш ь г л я т о г о , чтобы
разойтись

несколькими секундами позже. Сквозь эти
эфемерные промежутки в облаках

показывались

крошечные уплотнения отбеленных
хлором скал и голой земли, окруженные
кружащимся вихрем

тора.

Над яращейся бурей неслись, ревя
турбовентиляторными двигателями, два
«Грозовых Ястреба» --

«Огненная Виверна» и «Копье Прометея».

Они направлялись к конгломерации городов
в верхней

атмосфере Стратоса. Названные
уроженцами Стратоса «лофт-городами»,
эти огромные накрытые

куполами метрополии из хрома и
пластикрита служили домом
приблизительно четырём миллионам

третстат тысячам человек, связанные
между собою серией массивных небесных
мостов. Из-за

выделяемых океанами концентрированных
испарений хлора, стратосцы были
вынуждены поднять

свои города с помощью питаемых плазмой

гравитационных двигателей и такую высоту, что

каждый нуждался в собственной атмосфере для того, чтобы жители могли там дышать.

Дак'ур все еще не мог забыть слов Фугиса, и ему очень хотелось, чтобы царившая внутри отсека

санктуария «Огненной Виверны» света заглушила его раздумья. Десантный отсек корабля был

практически полон - двадцать пять Астарес, удерживаемых в стоячем положении в

гравитовесах, пока «Грозовой Ястреб» совершал финальный спуск.

Ближайшим к спусковой рампе был брат капитан Кадай, чей взор горел храбростью и твердой

верой. Он был облачен в стилизованные под ящера доспехи ручной работы, и, как и его

подчиненные, еще не надел шлем. Вместо этого, он прицепил его к поясу в виде

боссозданного в

металле рычащего огненного дракона. Его коротко остриженные волосы были белыми и

обритыми в полосу, делящую голову пополам. Рядом с ним находилось его командное отделение,

«Агская Стража»: Н'келн, заместитель К а г а я , непоколебимый, е с л и не бессердечный, офицер;

чемпион роты Век'шен, который поверг бесчисленное количество врагов в о и т я оргена,

сжимавший огненную злефу; почетный брат Маликант, несущий в битву знамя роты, и почетный

брат Шен'кар, прижимавший к груди огнемет. Фүгис был последним. Заметив Дак'ура, апотекарий

сдержанно кивнул в его сторону.

В отсеке было темно. Глаза Саламандр тылали красным светом. Соскользнув с Фүгиса, взгляд

Дак'ура перетестился на другого воина,

от вида которого его взор холодно
загорелся.

С другой стороны отсека на него пристально смотрел Цу'ган. Дак'ир сжал кулаки.

Цу'ган был воплощением Прометеева идеала. Сильный, стойкий, самоотверженный -- он был всем

тем, к чему должен был стремиться каждый воин Саламандр. Но глубоко внутри него таилась

частичка высокомерия и превосходства. Он родился в Гесиоде, одном из семи городов-убежищ

Ноктюрна, и месте основного набора в орден. В отличие от большинства жителей вулканического

мира смерти, Цу'ган рос в относительно богатстве. Его семья была из благородного сословия

племенных королей, находившаяся на незначительной вершине богатства и влияния

ноктюрнийцев. Дак'ир был скитающимся

нещерным жителем Узнеи и находился в самом низу.

Сам факт того, что он стал Астартес, был беспрецедентным. Ведь так мало кочевых племен когда-

либо доходило до священных мест, где посвященные проходили испытания, не говоря уже об

участии и победе в них. Дак'ур был во многом уникальным. Для Цу'гана он же был отклонением.

Став Астартес, они оба должны были оставить свое человеческое прошлое, но столетия

укоренившегося предубеждения невозможно было подавить.

«Гротовой Ястреб» резко ушел в сторону, направившись на слежнью с лофт-городом

Нилбаросом зону посадки, и разорвал возникшее напряжение между двумя сержантатами. Внешние

пластины брони от внезапного усилия несогласно завизжали, но внутри звук дошел лишь как

приглушенный металлический стон.

-- Грядет буря? -- вопросительно закричал Ба'кен.

Лысый Астартес был тяжеловооруженным воином Дак'ира, широкие плечи и толстая шея делали

его идеальным кандидатом для выполнения этой задачи. Ба'кен, как и многие в ордене, был также

одаренным ремесленником и мастером. Висевший у него на спине тяжелый огнемет был

уникальным средством тактических отделений -- он самостоятельно изготовил оружие в пылающих кузнях Ноктюрна.

-- Согласно докладу стратосцев, предателей очень много, и они хорошо укрепились. Это будет не...

-- Мы -- буря, брат, -- перекрикивая шум двигателей, вставил Цү'ган, прежде чем Дак'ир успел закончить.

-- Мы очистим это место огнем и
пламенем, -- фанатично прорычал он, -- и
принесем искупление
нечистым.

Ба'кен торжественно кивнул друготу
сержанту, но Дак'ур почувствовал, как его
кожа заливается
гневной краской от столь явной
непочтительности к его званию
командира.

Наг нити затизгал янтарный
предупредительный сигнал, и зазвучал
голос брата-капитана Кагая,
предотвращая дальнейшую ссору.

-- Надеть шлемы, братья!
С согласным лязгом металла об металл,
Астартес надели боевые шлемы.

Дак'ур и Цу'ган надели свои последними,
не желая ни на миг разрывать зрительный
контакт.

Трачно улыбнувшись, Цу'ган в конце
концов уступил, и одними губами произнес
фразу.

«Очистим нечистых!»

...

*

...

- ЗА КУТУЛОН НА востоке и Нилбарос
на юге все еще ведутся бои, но мои войска с
каждым часом

занимают в с е больше территорий, а
также и т удалось взять п о д контроль
небесные мосты,

соединяющие т р и города, - - объяснял
истекающий потом полковник Тонхаузер
по

потрескивающей пикт-связи «Лендрейдера
Ускунителя», в котором находился Кадай.
Сама

ог р о т н а я т а ш и н а н о с и л а название
«Огненная Наковальня». - - М ы используем
их для вывода

выжившего гражданского населения. Хотя
за вражескими линиями все еще остаются
тысячи

группы, в том числе и мои люди.

- - В ы сделали здесь работу самого Императора, и даю вам клятву Саламандр Вулкана, что если

представится возможность спасти этих людей, то я сделаю это, -- ответил Кагай, стоя в отсечке

военной машины, грохотавшей по небесному мосту Кирриона. Вместе с ним в конвое, лязгая

гусеницами, двигалось еще четыре «Носорога», транспортирующих остальную часть боевой группы.

Когда Саламандры совершали планетарную высадку за пределами Нимбароса, Кагай приказал

брату Аргосу, Магистру Кузни, провести конструктивную оценку подвездного пути к Кирриону.

Используя чертежи зданий стратоских городов, сначала загруженных в когитаторы «Гнева

Вулкана», а потом переданных на дисплей

«Огненной Виверны», технодесантники
решил, что

небесные мосты едва ли подходили для
посадки кораблей и выгрузки воинов
Астартес.

Менее чем двадцать минут спустя, с
орбиты спустились три транспортных
«Грозовых Астреба»,

отгрузившие специализированные
транспорты Саламандр.

Кадай держал воинов на посадочной
площадке построенными отделениями,
готовых к прибытию

транспортов. У них не было времени для
разбора тактики с уроженцами Стратоса.
Это будет

сделано по пути к Курриону.

-- Буду молить Императора, что
некоторые все еще живы, -- продолжил
Тонхаузер по пикт-связи,

соединяющей все транспорты Астартес.

-- Но, боюсь, Куррион потерян для нас,
повелитель Астартес, -- добавил он,
трясущимися пальцами

закүривая новую сигару. -- Там теперь
ничего не осталось, кроме смерти и ужаса.

Казалось, будто он избегал смотреть на
экран. Во время поездки по небесному
пространству Кагай снял

шлем, и человеку было явно не по себе от
его внешности.

«Войны выигрывались не одной только
силой», вспомнил он слова, которые говорил
ему старый

Магистр Рекруттов почти триста лет
назад, когда Кагаю дали черный панцирь.

-- Расскажи мне о враге, -- сказал Кагай, и
его лицо ожесточилось от одной лишь
мысли о

подобной туче.

-- Они называют себя «Культот Правды», --
ответил Тонхаузер, на секунду пикт-связь
исказилась

от статических помех. -- Еще около трех
месяцев назад они были всего лишь
маленькой группкой

недовольных и перских граждан,
наловчившихся избегать побоев городских

прокторов. Теперь

их, по крайней мере, пятьдесят тысяч, и они окопались по всему Кирриону. У них есть тяжелое

оружие. Большинство военных кузниц, флотов дирижаблей и кораблей Стратоса располагается в

столице. Повстанцы носят на теле отмети, обычно скрытые под одеждой, имеющие вид

татуировок в форме кричащего рта. А вот и хрты..., -- сказал он, сделав судорожный вдох, -- их

рты защиты проволокой. И мы полагаем, что они также отрезали себе языки.

-- Почему вы так считаете?

Несмотря на свой страх, Тонхаузер встретил горящий взгляд капитана.

-- Потому что никто не слышал, как они говорят, -- Тонхаузер побледнел еще сильнее. -- Сражаться

с врагом, который не кричит, не говорит вслух приказов. Поэтому, это неестественно.

- - У этого кюльта есть лидер? - - спросил
Кадай, всем своим естеством выражая
неприязнь к
подобной мерзости.

Тонхаузер крепко затянулся сигарой,
прежде чем потушить ее в пепельницу и
прикурить новую.

- - Нам удалось собрать совсем немного
информации, -- признал он. -- Но, по нашим
предположениям, там есть своего рода
верховный жрец. И, хотя это не
подтверждено, мы считаем,

что он находится в храмовом районе. Нам
известно лишь то, что олятежники
называют его

Говорящим.

- - Ироничное итечко, -- пробормотал
Кадай. -- Сколько у вас осталось солдат,
полковник?

Тонхаузер облизал губы.

- - Достаточно, чтобы удерживать два
города-спутника. Пока мы говорим, мои
солдаты отступают

из Кирриона. Я потерял столь многих... --

Сонхаүзер тяжело уронил голову. Он походил на человека, которой отдал уже все, что у него было.

-- Продолжайте удерживать города, полковник, -- сказал ему Кагай. -- Теперь за Киррион возьмутся

Саламандры. Вы исполнили свой долг перед Империей, и да будете вы чтимы за это.

-- Спасибо, мой повелитель.

Пикт-связь наполнилась треском статики, когда Кагай оборвал соединение.

Капитан отвернулся от чистого экрана дисплея, чтобы взглянуть на находившегося подле него

апотекаря Фугиса.

-- Ух боевой дух висит на волоске, -- пробормотал он. -- Никогда раньше не видел подобного отчаяния.

-- В таком случае мы вмешались как раз вовремя, -- Кагай посмотрел через плечо Фугиса на

остальных членов командного отделения.

Н'келн готовил их к сражению, ведя обряд Прометеева Кюльта.

- - Н а наковальне т ы закалены, в воинов
выкованы... - - нараспев говорил о н , и
остальные

торжественно повторяли з а н и м . Они
с т о я л и в о к р у г т а л е н ь к о й жаровни,
встроенной в пол

десантного отделения. В котле горели
погношения Вулкану и Императору --
кочки стягов и

измельченные в пыль кости. Один за
другим, «Адская Стража» брала горсти
тепла и метила ими

госпехи.

- - О г н о д е л о партизанская война, но
победить ц е л ы й гвардейский полк...
думаешь, ты

столкнулись здесь с чем-то большим,
нежели просто восстанием кюльта? --
спросил Фүгис, отведя

взгляд от ритуала, очевидно решив
провести его позже.

Кадай закатил глаза, обдумывая вопрос
апотекария.

-- Пока не знаю. Но это место что-то
терзает. У этого так называемого
«Культы Правды» имеется
много последователей.

-- Он распространяется среди населения
подобно чуме, и, предполагая, корни его
скорее

психологические, чем идеологические, --
сказал аптекарий.

Кадай никак не отреагировал на намек.

-- Я не могу основывать стратегию на
простой гипотезе, брат. Лишь
вторгнувшись в город, ты

поймешь, с кем имеет дело, -- капитан на
мгновение замолчал, прежде чем спросить.

-- Что с

Дак'ирум?

Фугис понизил голос, чтобы его никто не
смог услышать.

-- Физически, с нашим братом все в
порядке. Но он все еще встревожен.
Воспоминания об его

человеческом прошлом на Ноктюрне и
первом задании...

Кадай нахмурился.

- - Морибар... Да же спустя четыре
десятилетия он все еще цепляется за нас,
подобно темному
савану.

- - Его память работает... необычно. У
дугаю, он все еще чувствует на себе вину
за то, что

случилось с Нигиланом, -- предположил
фугис.

Лицо Кадая еще сильнее помрачнело.

- - Не он один чувствует подобное, --
проборотал он.

- - Также и Ушорак.

- - Вай'тан Ушорак был предателем. Он
заслужил свою судьбу, -- решительно
ответил Кадай,

прежде чем ступить тему. -- Дух Дак'ира
очистится в бою -- таков путь Салатангр.
Если это не

поможет, тогда я передам его в
реклюзиам капеллану Элизию для

кондиционирования.

Кадай вновь активировал открытый вокс-канал, тем самым показывая, что разговор был окончен.

Пришло время обратиться к войскам.

...

*

...

-- БРАТЬЯ... -- ДАКУР УСЛЫШАЛ голос капитана п о вокс у. - - Н а ш е задание простое. Освободить

город, защитить горожан и уничтожить еретиков. В Ки рри он вой д у т три штурмовые группы,

которые должны б у д у т с е к т о р за сектором зачистить е го и испепелить врагов -- «Молот»,

«Наковальня» и «Плата». Сержанты Цу'ган и Дак'ир возглавят «Наковальню» и «Плата»,

западные и восточные секторы города

соответственно. Тяжелой поддержкой из
опустошителей

будут отделения «Агского Огня» сержанта
У л ' ш а н а г л я "Наковальни» и
«Успелителей» Лока

г л я «Платени». Вместе с сержантом
Откаром я повежу «Молот» н а север.
Огнеметы будут со

всеми подразделениями. Пусть ничто не
остановит ваш гнев. Для таких битв мы
были рождены.

Во имя Вулкана. Кадай, конец связи.

Эфир вновь заполонила статика. Дак'ир
полностью отключил связь, когда конвой
медленно

грохотал мимо заставленных мешками с
песком и обмотанных колючей проволокой
аванпостов.

На постах стояли изможденные солдаты с
запавшими глазами, слишком уставшие
от

многонедельных сражений, чтобы как-либо
реагировать на присутствие Астармес.

-- Они сломлены, -- нарушил тишину

Ба'кен, взглянув в одну из створчатых щелей «Носорога».

Дак'ур проследил за пристальным взглядом своего воина.

-- Они не похожи на уроженцев Ноктюрна, Ба'кен. Их не готовили к подобным трудностям.

Мимо конвоя в противоположном направлении прошла глиняная колонна стратоского авиакорпуса.

Солдаты с лапганами через плечо тащились подобно автоматам, некоторые баякали раны, другие

при ходьбе опирались на палки. Все они были в противогазах и коричневых пальто для защиты от

холодного открытого воздуха. Лишь города были накрыты куполами, небесные же мосты стояли

открытые внешней погоде, хотя были ограждены высокими стенами и подвешены к грубо

выглядевшим опорным колоннам толстыми тросами.

В конце разбитой дороги вырисовывались
ворота Кирриона. Проход в столицу был
гигантским,

весь из простого черного металла,
герметически запечатанный для
поддержания целостности
атмосферы.

- Я успел услышать разговор группы
солдат, прежде чем ты проехали мимо
них, -- при

приближении к воротам заметил Ба'кен. -
По их словам, Киррион был настоящим
адам.

Дак'ир проверил энергетический заряд
плазменного пистолета, прежде чем
загнать оружие
обратно в кобур.

- Мы родились в аду, Ба'кен... Что нам
сделается от крошечного огонька?

Громогласный стех Ба'кена сотрясал
«Носорог» весь оставшийся путь к воротам.

...

*

...

ГЛУБОКИЕ НЕДРА КИРРИОНА
изобиловали монстрами.

Сержант Рукачался разрушенными
улицами, преследователи гнались за ним
по пятам. Его

сердце тяжело колотилось. Главная
энергосистема обрушилась, и теперь город
освещался лишь

неустойчивым светом люминатн,
питаемых резервными генераторами. С
каждой спорадической

вспышкой, тени, казалось, полнились все
новыми угрозами и врагами. Ему это
никоим образом не

помогало.

Рукачал в составе второго удара на
столицу. Штурм полностью провалился.
Укрытыми тенью

коридорами Кирриона кралось нечто еще,
и оно обрушилось на его батальон с

яростным гневом.

Никто не ожидал подобного. Согласно стратегии атаки для его батальона, Рұка преднамеренно

следовал окольными путями, обходя основные зоны боев, чтобы пройти северный сектор города.

Согласно всем собранным стратосцами разведанным, сопротивление повстанцев не должно было

быть слабым. Но пятьсот человек были истреблены не ляхежниками.

Рұка был последним из них, каким-то чудом избежав резни, но теперь культисты напали на его

след. К тому же, их становилось все больше. Его когда-то гордый город лежал в руинах. Ему было

сложно представить себе еще что-то более трагичное. Там, где однажды тянулись авеню, теперь

были лишь кучи щебня. От хромированных площадей остались обугленные ямы, обрывающиеся в

бездонную тьму. Сюда пришел ад.
Другими словами это было невозможно
описать.

Обогнув еще один угол, Рук резко
остановился. Он стоял у входа в станцию
трамваев на

магнитной подвеске, на одной стороне
которой располагалась группа
промышленных складов, а

на другой - высокая стена и надземный
переход. Дорогу перед ним устилали сажи
трамваев, от

которых остались только измазанные
грубыми надписями выжженные остовы. Но
внимание

сержанта привлек туннель. Во тьме
что-то стремительно приближалось.

Рука услышал за собою шум толпы. Она
замедлилась. Тогда он и понял, что его все
время

направляли в это место.

Звук из туннеля стали громче, а орда --
ближе. В поле зрения попали культисты.
Рука насчитал,

по крайней мере, пятьдесят человек, и у
каждого из них был защитный
вытирающими сквозь

сморщенные губы синими венами. Они
были вооружены кирками, кусками
металла и стекла.

Свою гибель Рук представлял себе иначе.

Сержант застрелил одного и уже
собирался прицелиться в следующего
врага, когда на улицу упал

кусок рокрита. Рука проследил за
траекторией его полета обратно к
переходу и увидел в

рассеянном свете силуэты троих
бронированных гигантов.

Искра спасения, ожившая было в разуме
Руки, быстро погасла, когда он понял, что
эти существа

пришли сюда не ради него.

Секундой позже грянул гром, и тьму
разорвали дуглые вспышки.

Рука понял, что сейчас должно было
произойти, и бросился на землю.
Смертоносный залп

продолжался всего лишь удар сердца, но
этого оказалось достаточно. Культисты
были полностью

уничтожены -- их разбитые, взорванные
тела устилали улицу подобно грубому
мусору.

Рүка лежал на спине, ошеломленный
внезапностью атаки. Не сумея
почувствовать ног, он понял,

что был ранен. Бок жгло, будто его
полоснули ножом. Его форма была
влажной, возможно даже от

собственной крови. Рядом с лежавшим
ничком сержантом на землю
приземлилось нечто огромное

и массивное, и от встряски в его тело
впились новые кинжалы боли. За ним
последовало еще

несколько толчков, тяжелые и быстрые,
подобные ударам миномета.

В глазах потемнело, но сержанту удалось
повернуть голову,... Его залитые кровью
глаза

расширились. На земле в согбенной позе

стоял ужасающий великан в окровавленных доспехах, из

его шлема в форме ревущего дракона
вылились два алых рога. Он встал на ноги,
подобно

вылезавшему из недр первобытному зверю,
явив миру обмотанную багровой чешуей
огромную

пластину нагрудника. Бронированная
фигура, казалось, источала жар, будто ее
недавно выковали

из самой лавы вулкана.

-- Хранилище, где оно? -- спросил гигант-
дракон, и сквозь ротовую решетку в шлем
заструились

тлеющие угольки, будто он выдыхал пепел
и золу.

-- Близко... -- ответил другой. Его голос
походил на хрустящий пергамент, но с
оттенком силы.

Рүка понял, что последующие толчки
означали приземление компаньонов
огромного воина.

-- Мы не одни, -- сказал третий, чей голос

был глубоким и хриплым подобно
потрескивающей
магме.

-- Саламандры, -- с очевидным сарказмом
произнес драконий гигант.

-- Тогда нам лучше поторопиться, --
ответил второй голос. -- Я не хочу их
упустить.

Рүка услышал тяжелые шаги и
почувствовал на себе злобный взгляд
одного из бронированных
великанов.

-- Этот еще жив, -- пролаял он.

Взгляд Рүки почти погас, но сержант все
еще чувствовал исходящий от доспехов
запах меди,

стесанный с резкой кислотным зловонием
оружейного дыма.

-- Никого не оставляй в живых, -- сказал
второй голос. -- Убей его быстро. У нас нет
времени для

развлечений, Ратлек.

-- Жаль...

Рүка пытался говорить.

-- Умне...

Затем его мир утонул в огне.

...

*

...

ТЁМНЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ВОРОТА
Кирриона открылись с медленной
неизбежностью.

Бронетанковый коновой Астартес
прогрохотал сквозь них в ожидающий
сумрак. Спустился пар

мгновений ворота захлопнулись за ними.
На стенах замерцали галогенные полосы,
осветив

огромный металлический зал,
достаточно широкий для того, чтобы их
транспорты смогли

проехать в ряд.

У стен стояли брошенные стратоские
машины, оттянутые туда

очистительными командами. Возле
оставленных боевых машин пехоты было
разбросано различное оборудование. Здесь
можно было
найти все - снаряжение, осветительную
аппаратуру и другие вспомогательные
комплекты. Не
было только оружия - человеческие
защитники нуждались в каждой винтовке.
Герметически закрытая ради сохранения
целостности атмосферы, зона ожидания
имела еще один
ворота на противоположной стороне,
которые вели в сам Киррион. Они
открылись с шипением
сравливаемого воздуха, когда
Саламандры доехали до середины
обширного коридора.
Предместья погруженного во тьму города
притягивали.
Пустынные авеню кровавыми тропами
уводили в темноту, дома лежали в руинах
подобно
открытым ранам. Огонь опалел стены, а

кровь омывала улицы. Отчаяние висело в воздухе

подобно осязаемой духоте. В Киррион пришла смерть, и она крепко держала его в костяной хватке.

Сродни улью, Киррион в наиболее плотно заселенных районах состоял из сотовидных уровней.

Эти конурбации-плато из хрома и лазури соединялись гравитационными лифтами. В других

местах подуровни шли вниз, ведая к перевернутым шпильм технического обслуживания или

обширным поглотительным грузовым площадкам. Крышу устилала движущаяся масса плотного

дымового покроя. Сквозь прорехи в серо-черном стоге виднелись несущиеся облака, и вспышки

толний атмосферной бури снаружи купола.

В тактическом плане город представлял

собой кошмарный лабиринт и 3 скрытых
ловушек,

искусственных теснин и зон поражения. На
шоссе был и разбросаны противотанковые
ёжи.

Каждую дорогу обвивали толки колючей
проволоки. Груды щебня и обломков
создавали штучные
стены и непроходимые препятствия.

Салатандры достигли площади Аереона,
одной из общих площадей Кирриона, когда
забитые

обломками и опутанные проволокой улицы
оказались окончательно непроходимыми
для

транспортов.

Это должно было стать одной из многих
задержек.

- - Салатандры, высаживаемся, - - строго
сказал Кагай по воксу. -- Третья группа,
исследует

квadrant за квadrантом. Транспорт
остаются здесь. Дальше мы пойдем
пешком.

...

*

...

-- НИЧЕГО, -- ГОЛОС БА'КЕНА в боевом
шлеме казался резким, металлическим.
Он стоял лицом к

дверному проему одного из муниципальных
храмов Кирриона. Е з о з ё в б ы л подобен
голодной

утробе, тени внутри казались
наполненными угрозой.

Стоявший за ним Дак'ир решительно
отдал приказ.

-- Сжечь.

Ба'кен поднял тяжелый огнемет и омыл
комнату жидким прометием. Внезапный
взрыв

зажигательного вещества вспыхкой
осветил широкий коридор, давая намек на
то, что

пространство внутри было куда больше,

прежде чем оставить на стенах тлеющие угольки.

-- Чисто, -- крикнул он, тяжело отойдя в сторону, позволяя сержанту и боевым братьям пройти мимо.

Сержант Лок и его опустошители находились в арьергарде и с занятых позиций прикрывали вход,

пока Ба'кен вместе с остальными бойцами тактического отделения не прошли внутрь.

Дак'ур вошел стремительно, отделение рассредоточилось з а н и м а е м о м для прикрыва

потенциальных направлений атаки.

Они передвигались по городу уже почти час, миновав по пути три наполненных руинами жилых

района, и до сих пор не встретили ни грузей, ни врагов. По устройствам связи в шлемах Астармес

приходили регулярные донесения о том, что у двух других штурмовых групп дела

обстояли так

же.

Киррион был мертв.

Кругом виднелись признаки быстрого
бегства - в выбитых окнах квартир
виднелся мерцающий

свет люминесцентных, в общественных столовых
сонофоны играли гранулярные мелодии,

низкооборотные двигатели
бездействующих грузовиков и
внутреннее освещение повсеместно

остановившихся маг-трамваев. Жизнь
завершилась здесь резко и яростно.

Многочисленные шоссе и обычные дороги
были перекрыты ямами или щебнем. По
словам брата

Аргоса, муниципальный храм был наиболее
оптимальным путем для проникновения
вглубь

восточного сектора. Он также
предположил, что именно здесь, скорее
всего, будут собираться

целелевие люди. Техногесантник остался
в Нимбаросе вместе с полковником

Сонхаүзером,

направляя три штурмовые группы по
геологическим схемат, корректируя
изображение, получая

доклады от Саламандр о перекрытых или
обвалившихся улицах и снесенных зданиях.

-- Брат Арзос, «Плата» на связи. Мы
достигли муниципального храма, и теперь
нам нужна схема

прохода через него, -- сказал Дак'ур. Даже
сквозь силовые доспехи он чувствовал
приятный гул

плазменных двигателей, поддерживающих
массивный город в воздухе, и напоминавший
о

природе их поля боя.

Отгнав такие мысли, он обвел
прикрепленным к боевому шлему
осветителем обширный холл. В

его ярком свете он увидел ромбовидный
зал со стеллажами стоек на обеих боковых
стенах. Над

головой, зернистым и очажками
разлившимся по стеклянному куполу,

городские лютилампы

освещали землю. Вспышки молний в
высокой атмосфере Стратоса лишь
усиливали их.

Подожженные огнеметом Ба'кена обрывки
пергамента и писчей бумаги бесшумно
носились по

отполированному полу и кружились
подобно светлячкам на невидимом ветру.

Еще больше

бумажек судорожно трепетали на
поддерживающих свода чату крышу
столбах -- огни были

прикреплены обетным воском, другие
наскоро приколочены гвоздями и кольями.

Сообщения,

несомненно, были оставлены здесь
горюющими семьями, давno утратившими
всякую надежду.

-- Это извещения о смерти, молитвы за
пропавшими, -- провозгласил брат Элек,
придерживая

дуглом болтера одну из таких бумажек,
чтобы прочитать ее.

-- Здесь еще, -- добавил брат Зо'тан. Он повел фонарем вверх на хромированную лестницу в задней

части комнаты, осветив одежные вешалки и тельняшки, а также плащи администраторов, запутавшиеся в

балюстраде. Изорванные свитки были прицеплены к перилам и собрались на ступенях на

ступенях подобно бутажному савану.

-- Их должно быть тысячи... -- произнес вошедший в вестибюль сержант Лок. Суровый ветеран

выглядел еще мрачнее обычного, бионическим глазом осматривая доклады о погибших.

-- Двигайтесь к северному концу коридора, -- вернулся потрескивающий от помех голос

технодесантника. -- Лестница ведет на второй уровень. Продолжайте идти на север через

следующий зал, затем на восток по галерее до тех пор, как не увидите ворота.

Сам ваш выход.

Дак'ир выключил устройство связи. Во внезапно наступившей тишине он услышал громко

гудевшие в опоясывающей город барьерной стене атмосферные процессоры, которые очищались,

рециркулировались и регулировались. Он уже собрался отдать приказ выдвигаться, как звук резко

изменился. Трясти начало сильнее, так, Б у д т о обрабатывающий двигатель перешел на более

быстрый темп.

Дак'ир вновь включил устройство связи в боевом шлеме.

-- Цу'ган, ты не заметил никаких различий в атмосферных процессорах в своем секторе?

Канал на тридцать секунд заполонил треск статики, прежде чем сержант не ответил.

-- Ничего. Будь бдительным, игнеец. У меня нет желания вытягивать твое

отделение из проблем,

когда ты расслабишься.

Цу'ган отключил устройство.

Дак'ур выругался на выдохе

-- Выдвигается, -- приказал он. Он надеялся, что они скоро найдут врага.

...

*

...

- - ЕМУ НИКОГДА НЕ стоило доверять командование, - - пробормотал Цу'ган своему заместителю,

Ягону.

- У нашего брата-капитана, должно быть, были н а т о причины, - - ответил он как всегда

неискренним, но осторожно-нейтральным тоном.

Ягон постоянно находился возле сержанта, готовый дать совет. Его телосложение было хлипким

и о сравнении с большинством своих
братьев, но он восполнял нехватку веса
коварством и

хитростью. Ягон стремился к власти, и
сейчас это был Цу'ган, восходящая звезда
капитана Кагая.

Также он нес auspex отделения, наблюдая
за необычными скачками активности,
которые могли

означать засаду. Ягон находился всего в
двух шагах от сержантом, пока они
крались по теням

гидропонной фермы.

Но обширному куполообразному залу
тянулись облаченные в хромированные
цистерны

крошечные резервуары с питательными
растворами. Установленные плотными
рядами

химические контейнеры были переполнены
различной съедобной растительностью и
другой

флорой. Листва в большом бельведере из
хрома и стекла слишком сильно выросла,

напотиная

теперь скорее искусственные джунгли,
чем имперское предприятие по
обеспечению питанием

жителей всего сектора.

-- Тогда за этим стоит его глупость, --
ответил Цу'ган, и внезапно жестом
приказал остановиться.

Он пригнулся, взглядываясь в древесный
травяник впереди. Отделение, отлично
обученное своим

сержантом, заняло наблюдательные
позиции.

-- Огнемет, -- прорычал он в устройство
связи.

Брат Гонорий выдвинулся вперед,
запальник на его оружии тихо горел.
Саламандры увидели

вспышку голубого пламени всего лишь на
мгновение, будто оно вступило в реакцию с
чем-то в

воздухе. Хлопнув по плечу, Гонорий
пробормотал литанию духу машины, и все
вернулось в норму.

-- По вашему приказу, сержант.

Цу'ган поднял руку.

-- погоди секунду.

Ягон опустил болтер, сверяясь с
ауспексом.

-- На показателях нет признаков жизни.

Лицо Цу'гана затерло в гримасе.

-- Очищай и сжигай.

-- Мы уничтожим продовольствие для
всего городского сектора, -- сказал Ягон.

- - Поверь мне, Ягон, стратосцам уже
ничем не помочь. Я все же рискну. Давай, --
сказал он,

оборачиваясь к Гонорию, -- очищай и
сжигай.

Рев огнетета заполнил гидропонный
купол, сжигая до непла еду жителей
Кирриона.

...

*

-- ОНИ ЗАМАНИВАЮТ НАС, -- сказал сержант-ветеран Н'келн по устройству связи. Он шел впереди,

водя болтером туда-сюда в поисках врага.

-- Знаю, -- согласился Кагай, склонный доверять своим и Н'келна воинским инстинктам. Капитан

держал инферно-пистолет у бедра, в другой руке тихо потрескивал громовой молот.

-- Будьте начеку, -- прошипел он по боевому шлему своему отделению, осторожно продвигавшемуся с болтерами наготове.

Открывающийся вокруг них город был высоким и внушительным, пока Саламангры медленно

шли по узкой дорожке, забитой обломками и трупами стратосцев -- «остатками» батальонов, о

которых упоминал Тонхаузер. Несчастные человеческие солдаты возвели обложенные мешками с

песком укрепления и баррикады. Жилые

года были превращены в бункеры, и з окон
которых

теперь подобно тряпкам одиноко свисали
тела. Защитные сооружения не спасли их.
Стратоскью

нехоту разбили наголову.

Нахмурившись, Фугис склонился над
останками взорванного лейтенанта.

- - Обширная физическая травма, --
пробормотал аптекарь, когда к нему
приблизился капитан

Кагай.

- По словам полковника Тонхаўзера, у
культистов есть тяжелое оружие, --
предположил ставший
рядом с ним Н'келн.

Фугис продолжил осматривать труп.

- - Грудная клетка полностью
выпотрошена, находящиеся в ней органы
практически превращены в
кашу.

Подняв взгляд на товарищей Салатангр,
его красные глаза вспыхнули за линзами
шлема.

-- Это болтерное ранение.

Кадай собирался что-то сказать, когда
спереди их позвал брат Шен'кар.

-- Движение!

...

*

...

- - СНИЗЬ ПОДАЧУ, - - ПРЕДУПРЕДИЛ

Дак'ур, поднимаясь по лестнице вестибюля
к огромной

хротированной арке, за которой начинался
второй уровень муниципального храма.

Запальник на тяжелом огнемете Ба'кена
неистово плевался искрами и мерцал, пока

Астартес не

уменьшил уровень подачи топлива по
шлангу.

-- Проблема?

-- Нет, сержант, -- ответил он.

Дак'ур вместе с боевыми братьями по обе
стороны от него продолжили подъезд, в то

вре́мя как

о́пустошители в с е е щ е находились в
вестибюле, готовые выдвинуться вперед в
случае

необходимости. Поднявшись, он уви́дел еще
одн глинный зал, как и описывал брат
Аргос.

К о т н а т а б ы л а наполнена
неиспользуемыми когитаторами и прочей
техникой. Обводя

пристальным взглядом всю эту рыхлядь,
Дак'ир резко затер.

В центре зала, окруженный телами
рабочих Административта, был мальчик.
Ребенок, не больше

восьми лет от роду, был босым и одет в
лохмотья. Грязь и запекшаяся кровь
покрывала его тело

подобно второй коже. Мальчик смотрел
прямо на Дак'ира.

-- Не двигайтесь, -- прошептал он боевым
братьям по устройству связи. -- У нас тут
выживший.

-- Милость Вулкана, -- выдохнул стоявший

возле него Ба'кен.

-- Не подходи, -- предупредил Дак'ур, делая шаг вперед.

Мальчик вздрогнул, но не убежал. По его лицу потекли слезы, оставляя на грязных бледных дорожках.

Дак'ур украдкой оглянулся в поисках потенциальных опасностей, прежде чем убедиться, что путь

был чист. Вернувшись в кобур плзменный пистолет и вложив в ножны цепной меч, он показал

бронированные ладоны мальчику.

-- Тебе нечего бояться... -- начал он и медленно стянул боевой шлем. Дак'ур запоздало понял свою ошибку.

Ребенок не был уроженцем Ноктюрна. Единственный взгляд на ониксово-черную кожу вполне с

горящими глазами Салатандры заставил мальчика завопить и что есть мочи броситься прочь из

зала.

-- Проклятье, -- прошипел Дак'ур, натягивая обратно боевой шлем и доставая оружие.

-- Сержант Лок, твое отделение берет под контроль комнату ж е т нашего возвращения, --

приказал он по устройству связи. --
Остальные братья со мной -- здесь могут быть выжившие, и
мальчик приведет нас к ним.

Саламангры начали погоню, пока опустошители поднимались вслед за ними.
Дак'ур вместе с

отделением пересек половину зала, когда почувствовал н а наголеннике слабое натяжение

провода. Он обернулся, собираясь выкрикнуть предупреждение, когда вся комната взорвалась.

...

*

-- ТУНИК, -- ЗАЯВИЛ БРАТ Гонорий,
стоя возле кучи нагроможденных
автомобилей и маг-трамваев.

Цу'ган вместе с «Наковальней» покинули
догорающие руины гидропонной фермы и
сдвинулись в

город. Направляемые братом Аргосом, они
шли и бесчисленными avenue городского
лабиринта,

пока не достигли узкого прохода,
созданного высокими жилыми блоками и
нависающими

башнями-уровнями. Пройдя сотню метров
и обогнув поворот, они обнаружили, что
дальнейший

путь был перекрыт.

-- Мы прожжем себе дорогу, -- сказал
Цу'ган, собираясь приказать
опустошителям сержанта

Ул'шана выйти вперед.

-- Мультиплексы должны бы вскоре...

-- Подожди... -- сказал Цу'ган, остатривая
возвышавшиеся над ними высотные здания.

- Быстро

назад, ты найдем другой путь.

И а противоположном конце дорожки в поле зрения возникла огромная погрузочная машина,

отрезав путь к отступлению. Сначала медленно, а потом все сильнее разгоняясь, она загрохотала

колесами, двигаясь по направлению к Саламанграм.

- Мультимельты! Уничтожить ее!

Сержант Ул'шан развернул отделение навстречу атакующей машине, и в то же время из укрытий в

верхних квартирах появились тяжеловооруженные расчеты культистов, отчего аллея наполнилась орудийным огнем.

...

*

...

-- БУДЬТЕ НАЧЕКУ, -- ПРОШИНЕЛ
капитан Кадай.

«Агская Стража», вместе с
опустошителями Откара
рассредоточились по улице в
выжидательных
позициях. Опасность была везде -- в
каждом окне, в каждом алькове или
темном угле мог засесть
враг.

Кадай перевел взгляд обратно на Фугиса,
который, пригнув голову, торопился к
отдаленной

огневой позиции. Стратоский солдат
лежал у обложенной мешками с песком
стены, живой, но

не способный двигаться. Кадай
наблюдал за тем, как он уже третий раз
бессильно ударил

рукой оземь, подавая сигнал о помощи.

Что-то в этом казалось неправильным.

Движения солдата казались слабыми, но
будто бы не по его воле.

Внезапно его начала одолевать тревога, и

Кагай понял, что это была западня.

-- Фүгис, стоять! -- закричал он в устройство связи.

-- Я почти там, капитан...

-- Апотекарий, подчиняйся моим при...

Взметнувшийся и знозици и ревущий огненный шар оборвал Кагая на полуслове. Фүгиса

отбросило ударной волной, тела мертвых стратосцев взлетели вместе с ним подобно сломанным

куклам. Дорогу разорвала цепочка взрывов, разламывая рокрит, и целый ее участок развалился на

части и обрушился, создавая огромную пропасть.

Кагай, сбитый с ног мощным взрывом, все еще пытался подняться на ноги и избавиться от чувства

дезориентации, когда увидел лежавшего на животе Фүгиса с потемневшими от огня доспехами,

который цеплялся за край созданного взрывом кратера. Кагай закричал, когда

апотекарий потерял

хватку и скользнул в зияющую черную
бездну подбрюшья Кирриона, исчезая из
вида.

Из скрытых трапом городских переулков в
ночь потекли культисты, и началась
стрельба...

...

*

...

КОГДА ДАДАК' И РОТ ОШЁЛ от
последствий взрыва, то увидел бежавших
сквозь оседавшую пыль и
дым фигуры.

Прямо над ним возник один из повстанцев.
Его рот был зашит черной проволокой, на
щеках

вздулись голубые вены. С наполненными
ярвением глазами культист опустил кирку
на доспехи

костического десантника. От удара

крошечное оружие разлетелось на части.

-- Салатандры, -- взревел Дак'ир, собирая
отделение, и разнесли цокультиста
бронированным

кулаком. Он поднял цепной меч,
вылетевший и зрүкнривзрыве, и
выпотрошил еще троих

повстанцев, бросившихся на него с
глубинками и ножами. Потянувшись к
плазменному пистолету,

он резко остановился. Атмосферные
показатели в его боевом шлеме указывали
на высокую

концентрацию водорода; воздух внутри
купола был перенасыщен им.

Стоявший слева от Дак'ира Ба'кен
поднял тяжелый огнетет, собираясь
испепелить

выплеснувшуюся в зал огромную волну
культистов...

-- Подо...

-- Очищай и сжигай!

Как только зажигательная смесь попала в
воздух, оружие взорвалось. Ба'кена

захлестнуло белым

огнем и отбросило сквозь рокитовую
стену в соседний зал, где он и остался
лежать, не подавая

признаков жизни.

-- Брат пал! -- проорал Дак'ир, брат Эмен
открыл и з болтера огонь н а подавление,
идя вперед и

уничтожая культистов подобно мешкам с
трясом.

Е щ е б о л ь ш е повстанцев продолжал
в л и в а т ь с я в н у т р ь неослабевающим
потоком, по-видимому,

совершенно н е опасаясь б у р и болтерных
снарядов. Кайла и ножи уступили место
тяжелым

стабберам и автомашкам, и Дак'ир понял,
чем на самом деле была первая волна --
живым щитом. С

другого боку от сержанта возник еще один
Саламандра -- брат Ак'сор. Он готовил
огнемет, когда

Дак'ир прокричал в устройство связи.

- - Уберите в с е огнеметы и мельты...

Воздух наполнен газообразной водородной
смесью. Только

болтеры и вспомогательное оружие.

Саламандры тут же повиновались.

Культисты двигались теперь плотной
толпой, п а л я и з р у ч н о г о о р у ж и я, пока
готовилось тяжелое

оружие. Дак'ир снес голову одному из
повстанцев и ударил кулаком в грудь
другого.

-- Сдерживайте их, -- отрывисто сказал он,
вытягивая окровавленный кулак.

Ак'сор достал болт-пистолет. Но его
доспехам забарабанили пули, когда он в
ярости уничтожил

т о л п у к у л ь т и с т о в с а в т о г а н а т и.
Тяжелые орудия открыли огонь, наполнив
комнату

приглушенными звуками выстрелов, и
Ак'сор пошатнулся, когда в него попали
несколько

снарядов. Откуда-то из толпы
просвистела реактивная граната, и
Ак'сора накрыло

разлетающимися осколками. Когда был
рассеян, Саламангра лежал на полу.

-- Всем Саламанграм, отходим в
вестибюль, -- закричал Дак'ур, от его
госпехов срикошетила пуля,

когда он зарубил очередного попавшего в
пределы его досягаемости культиста.

Астартес тут же начали отступление,
два брата ушли вперед, чтобы вынести из
боя Ба'кена и

Ак'сора. Когда отделение Дак'ура
достигло ступеней и начало спускаться, на
их место встал

сержант Лок. Уз - за взрывоопасного
водородного газа, у «Успенителей»
оставался всего один

тяжелый болтер, из которого они начали
обстреливать гверной проем, глиняными
очередями

разрывая культистов на части.

Это была небольшая отсрочка, ведь враг
использовал свое преимущество --
психопаты с защитными

ртами кучами бросались по яростный

онь. Брат Уонне использовал
ленточный питатель

своего тяжелого болтера не жалея, братья
Салатандры добавили к заградительному
огню

собственное оружие, но культисты
продолжали напирать. Они шли подобно
автоматам, без криков

и паники, судьбы их разорванных братьев
не давали им возможности остановиться,
не говоря уж о

бегстве.

— Их не сломить! — крикнул Лок,
размазывая повстанца силовым кулаком,
одновременно стреляя

из болтера. Цепная пила врезалась в его
руку казалось бы из ниоткуда, и он
скривился, выронив из

обессилевших пальцев оружие. Сквозь
толпу с огромными двуручными цепными
мечами

двигались красноглазые жрецы
свежевальщики. Дак'ир ударом проломил
череп фанатику, но

понял, что их медленно окружают.

- - Назад к входу, - - закричал он, подняв
упавший болтер Лока и расстреляв все,
что находилось

слева от себя. Убитые и тогда же не
закричали. Саламандры тщательно
отступали шаг за шагом.

Теперь враги выпускали настоящий град
пуль, их количество казалось бесконечным,
и в то же

время они прибывали со всех направлений.

В устройстве связи царил хаос. От
«Наковальни» и «Молота» приходили
отрывистые доклады,

искаженные статическими помехами.

- - Большие потери... подходит вражеская
бронетехника... их тысячи... брат пал!

- - Капитан Кагай... - - проорал Дак'ур в вокс.

- - Брат-капитан, «Плата» н а связи.
Пожалуйста,

ответьте.

Минуту спустя, к нему вернулся плохой
слышимый голос Кагая.

- - Кагай... связи... отступить...

перезгруппировку... площади Аереона...

-- Капитан, у двух моих братьев тяжелые ранения, они нуждаются в медицинской помощи.

Прошло еще тридцать секунд, прежде чем пришел запинаящийся ответ.

-- Апотекарий... погиб... Повторяю... Фугис пропал...

Пропал. Не ранен и убит, просто пропал. Дак'ир почувствовал, как в груди вздымается шар

горячей боли. Стоическая решительность перевесила гнев, и он отдал приказ с боем отступить к

площади Аереона, а затем по устройству связи связался с Цуганом.

...

*

...

-- КРОВЬ ВУЛКАНА! Я не отступаю перед этим отребьем, -- прорычал Цуган

Ягону. — Скажи

изнейцу, что я не получал подобных приказов.

«Наковальня», под стальным командованием Цу'гана, вырвалась из засады без потерь, хотя брат

Гонорий сильно прихрамывал, а сержант Ул'шан потерял глаз, когда взорвались бочки с

зажигательной смесью, загруженные на борт погрузочной машины.

Без помощи мультиметра, Цу'гану пришлось самому прорываться сквозь обломки транспорта,

выкашивая зомби-болтеров находившихся по ту сторону кустов. Они отступали к

защищенным позициям на широкой улице, когда пришло сообщение Дак'ира.

В какой-то момент боя Цу'гану повредили боевой шлем, и ему пришлось сорвать его с себя. С тех

пор по части связи с другими штурмовыми группами он полагался на

Ягона.

-- Мы Саламандры, рожденные в огне, --
фанатично орал он, -- наковальня, с
которую разобьются

наши враги. Мы не сдадимся. Никогда!

Ягон покорно передал отказ сержанта
повиноваться.

Н о улице, грохоча гусеницами, к ним
двигалось что-то громкое и тяжелое.

Цу'ган на мгновение

сбил с шага, когда в поле зрения возник
т а н к , у в е ш а н н ы й бронированными
пластинами и

измазанный символом «Культы Правды» --
разверзнувшейся у т р о б ы . Развернувшись
приплюснутую

металлическую башню, танк выстрелил
из основного орудия, выпустив из дула дым
и

откатившись на гусеницах.

Цу'ган выстроил воинов в оборонительный
б о е в о й п о р я д о к , обстреливая
надвигающиеся орды

культистов короткими болтерными

очередями. Танковый снаряд влетел со всей силой удара

толщи, разрывая неплотный строй. Саламандры разлетелись в стороны. Впередешку с выбитыми

из дороги кусками рокрита, и рухнули подобно обломкам.

-- Сомкнуть ряды. Держать позиции, -- проревел Цу'ган, пригнувшись за частично разрушенной

баррикадой, которую когда-то занимал авиакорпус Стратоса.

Ягон спихнул одно из тел, так, чтобы оно с т о з у с т а н о в и т ь б о л т е р н а и мпровизированном стрелковом выступе.

-- Капитан пока не отвечает, -- сказал он в перерыве между взрывами.

Цу'ган отреагировал на вести без эмоций, его лицо превратилось в безрадостную маску.

-- Ул'шан, -- рявкнул он сержанту опустошителей, -- сконцентрировать весь огонь на танке. Во имя

Вулкана, уничтожь его.

Болтерные снаряды врезались в неумолотно навигавшуюся машину, которая готовилась к еще

одному выстрелу из основного оружия. Сидевший в башне сумасшедший культист схватил

тяжелый стаббер и начал поливать Саламандр глиняными очередями.

-- Остальные, -- крикнул Цу'ган, поднимаясь и что-то отцепляя с пояса, -- гранаты.

Верхний броском метнул противотанковую гранату. Брошенная из всех сил, она быстро

взмыла в воздух и упала на пути у танка. За ней последовало несколько других, клацавших о

землю подобно металлическому дождю.

В то же время, Ягон расстрелял культиста в стабберном гнезде, пока воины с тяжелыми болтерами

по командованию сержанта Ул'шана обстреливали лобовую броню и гусеницы танка. Один из

разрывных снарядов зацепил упавшую
гранату, когда она наехала
бронированная машина.

Ценная реакция взрывов гранат разорвала
танк, и зажигательные снаряды снесли
ему крышу.

-- Слава Прометею! -- взревел Цуган, воздев
кулак вверх, и воины хором повторили за
ним.

Его радость отрачилась, когда он увидел
движущиеся сквозь дымы падающие
обломки тени. В

поле зрения выкатилось еще три танка.

Цуган в неверии затряс головой.

-- Милосердие Вулкана... -- выдохнул он,
когда восстановился канал связи с
капитаном Кадаем.

Сержант посмотрел на Ягона твердым
железным взглядом.

-- Они отступают на площадь Аереона.

Дак'ур был прав. Челюсти Цугана
сжались.

...

*

...

— ДЕРЖАТЬ СТРОЙ! — ПРОРЕВЕЛ

Кадай в устройство связи. — Здесь наша последняя линия обороны.

Саламандры стойчески удерживали позиции, выстроившись за искореженными укреплениями и

стреляя выверенными очередями. Позади них стояли бронированные транспорты. На турелях

«Носорогов» содрогались штурм-болтеры, а спаренная штурмовая пушка «Огненной Наковальни»

со свистом поливала противника огнем, тогда как боковые спонсоны «Лэндрейдера»

с огнеметными пушками "Огненная буря" бездействовали.

Саламандры быстро собрались на площади Аереона, отступление с боем трех штурмовых групп

проходило с меньшими предосторожностями, чем их начальная атака.

Потемневший от огня плиточный пол площади был покрыт воронками от взрывов. Рухнувшие

колонны с соседних домов устилали весь его периметр. В центре широкой площади, окруженной

поврежденной стеной периметра, доминировала поваленная статуя одного из имперских лидеров

Стратоса. Кадай и его воины решили обороняться именно здесь.

Культисты валили толпами, невзирая на ураганный огонь, выходя из каждой арены и алькова

подобно асским муравьям. Сотни их погибли всего за пару минут. Но, несмотря на ужасающие

потери, они не испугались и медленно продвигались по огневому мешку. Трупы кучами

скапливались на краю площади.

- Н и к т о н е г о л ж е н пройти,
Огненнорожденные! -- орал Кадай, яростный
фанатизм Вулкана, его
прародителя, наполнял капитана
праведной целеустремленностью.
«Терпеть» было одним из
главнейших принципов Прометеева
Культы, «терпеть и завоевывать».
Ураганы пуль пересекались
на все больше сокращавшейся дистанции,
когда тысячи культистов поливали
интенсивным огнем
оборонительные позиции Саламандр.
Куски стены периметра, вместе с
массивными секциями
упавшей статуи, были разнесены на куски
в круговороте битвы.
Брат Зо'тан получил пулю в правый
наплечник, затем еще одну в шею, и с
кряхтеньем рухнул на
колени. Дак'ур двинулся, чтобы прикрыть
его, отчего доспехи содрогнулись, и он
начал падать из
оголоженного болтера. Тела повстанцев

у н и ч т о ж а л и с ь в яростном

заградительном огне,

разлетались н а к у с к и разрывными
снарядами, четвертовались залпами
тяжелых болтеров,

кромсались опустошительным ливнем
пуль из раскаленных штурмовых пушек.

И все же культисты продолжали идти.

Скрежеща зубами, Дак'ур проревел.

-- Не отступать!

Медленно, неизбежно, орда начала редеть.

К а г а й п р и к а з а л остановить
продолжительный

заградительный огонь. Подобно дыму,
рассеивающемуся от потухшего костра,
культисты

молчаливо отступали во трак, пока
совсем не исчезли из виду.

На сей раз упорство Саламандр стогло
сдержатъ врага. Площадь Аереона
осталась в их руках.

-- Они сдаются? -- спросил Дак'ур, делая
глубокие вдохи, чтобы выйти из
сверхобостренного

боевого состояния.

-- Они ползут обратно в свои гнезда, --
прорычал Кагай. Его челюсть сжалась в
бессильном гневе. --

Город их... пока.

Выйдя из-за оборонительного порядка,
Кагай быстро выставил часовых для
слежения за

подходами к площади, одновременно
связываясь с техногесантником Аргосом,
чтобы вызвать

подкрепление с «Гнева Вулкана», а также с
«Громовой Ястреб» для транспортировки
погибших и

раненых. Потери были намного больше,
чем он ожидал. Четырнадцать раненых и
шесть

погибших. Наиболее остро ощущалась
потеря Фүзуса.

Саламандры были малочисленным
орденот, их практически полное
уничтожение во время одного

из худших злодеяний Ереси, когда они были
преданы своим бывшим братьям,

чувствовалось

даже спустя десять тысячелетий. Тогда
они были Легионом, теперь же их было
всего восемьсот

Астартес. Прием рекрутов был
медленным, что только углубляло низкую
боевую мощь ордена.

Без апотекария и его огромных
медицинских навыков, наиболее серьезно
раненные из Третьей

Роты Кагая остались бы без помощи, что
в дальнейшем снизило их боевую
эффективность. Что еще

хуже, генетическое семя погибших в бою
осталось бы не собранным, потому что
только Фугис

обладал знанием и способностью
безопасного извлечения этих прогеноидов.

Именно через эти

органы и проектировалось будущее
костических десантников, позволяя
поверженным воинам

служить ордену даже в смерти.

Несенные Третьей Ротой потери затем

с т а н у т п о с т о я н н ы м и с п о т е р е й
а п о т е к а р и я -- т р а ч н о е
с о б ы т и е, п о в е р г а в ш е е К а д а я в г у р н о е
н а с т р о е н и е.

-- Как только придут подкрепления, мы
пойдем на новый приступ города, -- бұшевал
он.

-- Нам следует обрушить на них всю мощь
роты. Тогда эти еретики сломаются, --
заявил Цү'ган,

сжата кулак, чтобы подчеркнуть свою
страстность.

О н и Д а к ' у р с о п р о в о ж д а л К а д а я с л и н и и
фронта, оставив там сержанта-ветерана
Н'келна для

организации войск. Капитан отстегнул
боевой шлем, чтобы снять его. Белый
гребень волос Кадая

был влажным от пота. Его глаза горячо
пылали, излучая гнев.

-- Да, они узнают, что Саламандры легко
не сдаются.

Цү'ган дико үстехнулся на это.

Дак'ур думал только о братьях, которые

был и уже потеряны, и о тех, которыми
предстоит

погибнуть в следующем упрямом штурме.
Предатели закрепились, и их было очень
много — без

огнеметов, чтобы выбивать их из засад и
других ловушек, захват Кирриона станет
тяжелым делом.

Затем произошло нечто, что в корне
изменило воинственные планы капитана
относительно мести.

В дальнем конце площади Аереона сквозь
дым и пыль начали выходить фигуры. Они
вылезали из

укрытий и с опущенными от отчаяния
плечами волочили ноги к Саламандрам.

Глаза Дак'ура расширились, когда он
увидел, сколь много их там было.

— Выжившие... гражданские Кирриона.

...

*

- - ОТКРОЙ ЕГО, - - ПРОСКРЕЖЕТАЛ
драконий гигант. Но его чешуйчатые
доспехам текли жуткие

энергии, отбрасывая в отраженные
вспышки света. Они его воины достигли
подземного

металлического зала, заканчивающегося
огромным порталом из тяжелой
пластали.

Вперед вышел еще один великан, носящий
пластинчатые доспехи из красной чешуи.
Из

воздуха распределительной решетки в его
рогатом шлеме текли струйки дыма.
Тишина внешнего

храмнища была нарушена шипящим
потрескивающим вздохом прежде, чем
рогатый воин

выпустил яростную струю пламени. Она с
диким ревом вырвалась из пластинчатой
решетки,

поглотив двери хранилища.

Укрепленные пласталевые двери за секунды потемнели и начали таять, словно плавящегося

керамита стекла, прежде чем асфальтовая пластина двери сама не запылала раскалено-белым светом и превратилась в расплавленный шлак.

Воины быстро прошли через туннель для маг-трамваев, сильно углубившись в незнакомые

коридоры Кирриона. Никто не видел их приближения. Их лидер убедился, что после ранней бойни

свидетелей не осталось. После почти часа пути, они достигли своего назначения. Сюда, в

подземелья города, не могли проникнуть облака водородного газа. Они были далеки от поля боя, и

продолжающиеся в отдаленных районах Кирриона сражения казались приглушенными и

далеки ми сквозь многие слою рокрита и
металла.

-- Оно здесь? -- спросил третий воин, когда
рванный проход в хранилище остыл, его
голос был

погобен потрескивающей магме. Внутри
находились сотни крошечных сейфов, в
которых

аристократия Стратоса могла хранить
то, что считала наиболее драгоценным.
Никто не мог знать

о бартефакте, безвредно лежавшем в
одном из этих ящиков. Даже увидев его,
немногие бы

поняли, для чего он был нужен и какими
ужасными разрушительными силами
обладает.

-- О да... -- ответил жуткий воин, закрывая
алые веки и потянувшись к своей силе. --
Оно именно
там, где он и говорил.

...

*

...

МАССЫ ОТЧАЯВШИХСЯ
ВЗЛОХМАЧЕННЫХ стратосцев
тащились на площадь Аереона.

На большинстве из них висели лохмотья,
остатки одежды, которая была на них,
когда культисты

взяли город. Некоторые сжимали
разогранные лоскуты опаленных пожитков
как последнее

напоминание о бих прошлой жизни в
Киррионе, теперь бывшее не более чем
теплот. Многие

прикрывали лица полосами грязной ткани
или рваными шарфами, чтобы уберечься
от угнетающих

водородных газов. Еще у одних были
изношенные респираторы, которыми они
делились с

другими; маленькие группы по очереди
надевали кислородные маски. Водород не

настолько

вредил Саламанграм, их туптилегкие и
политические почки работали совместно
для отделения и

откачки токсинов, таким образом
позволяя им нормально дышать.

-- Весь город парализован ужасом... --
сказал Ба'кен, когда из его лица вынули
очередной кусочек

осколка. Опершегося на стену периметра
могучего Саламангра проверял брат Эмен,
у которого

были начальные познания в полевой
хирургии. Боевой шлем Ба'кена был
уничтожен при взрыве,

как и его любимый тяжелый огнемет.
Когда воина отбросило сквозь стену, его
куски впились ему в
плоть.

-- Это все голыш первые и зних, --
ответил Дак'ур, с жалостью наблюдая за
устало бредущими

выжившими людьми, проходившими мимо
часовых Саламангра.

Площадь Аереона постепенно заполнялась.
Дак'ур смотрел вслеп несчастным
беднягам, которых

стратоский авиакорпус плотной толпой
уводил к воротам Курриона. Отсюда ему
были видны

работающие на холостых оборотах
машин бронетанкового батальона,
готовые к

транспортировке выживших через
небесный мост в относительно безопасный
Нилбарос. Забрали

уже почти сто человек, но еще больше
сгрудились на площади, пока солдаты
авиакорпуса

пытались навести порядок.

- - Зачем показываться именно сейчас? -
спросил Ба'кен, кивнув Этеку, который
вынул все

выступающие осколки и теперь собирался
уходить. Раны уже заживали - - клетки
Ларратана в

крови Ба'кена ускорили свертывание и
рубцевание, и вживленная в мозг осстогула

способствовала быстрому срастанию костей и регенерации.

Дак'ур пожал плечами.

- - Полагаю, что отступление врага для закрепления на уже захваченных землях одновременно с

нашим прибытием, должно быть оживило их. Заставило потянуться к спасению.

- - Мрачное зрелище.

- - Да... - - согласился Дак'ур, внезапно потеряв ход мыслей. Война на Стратосе обрела теперь

абсолютно новое обличье - - не то, что связано проволокой и обезображено заразой, но то, что

молит об избавлении, которое отдало все, что можно было отдать, лицо, бывшее обычным,

невинным и напуганным. Насмотревшись на плетущихся мимо несчастных людей, сержант

остотрел остальную часть лагеря.

Стена периметра фортировала своего рода пограничную линию, отделявшую

территорию

Саламандр от земель, удерживаемых
«Культот Правды». Кадай был непреклонен
насчет того, что

они будут держать оборону именно здесь.
П а р а о р у д и й «Громо вой огонь»
патрулировали

периметр на лязгающих гусеницах, их
сервомоторы жужжали, когда
технодесантники прогоняли

пушки в разных режимах стрельбы.

Брат Аргос прибыл на площадь в течение
часа, приведя с собою артиллерию и
братьев

технодесантников.

Больше подкрепления уже не будет.

В верхней атмосфере Стратоса бушевали
свирепые бури, вызванные наслаиванием
низкого

термального давления, исходящего из
богатых хлором океанов. Спуститься с
помощью

«Громо вых Ястребов» н е представлялось
возможным, и н а в с е х внепланетных

системах связи

царили сильные помехи. Кадай и Саламангры, предпринявшие начальную планетарную высадку,

теперь остались огни - - факт, который все они приняли стоически. Их количества должно было

быть достаточно.

-- Сколько наших павших братьев уйдет в долгую тьму? -- оторвал Дак'ира от размышлений голос

Ба'кена. Большой Саламангра смотрел на медконтейнеры с мертвыми и тяжелоранеными, рядами

расположенные в дальнем конце стены периметра.

-- Надеюсь, меня не постигнет подобная участь... -- шепотом признался он. -- Быть погребенным в

гредноуте. Существовать без ощущений, сopleкшим вокруг меня миром, вечно пребывая в

хладном саркофаге. Пусть лучше бы меня унесли огни битвы.

-- Служить ордену вечно -- большая честь,
Ба'кен, -- сделал замечание Дак'ур, хотя
его упрек был
мягким.

-- В любом случае, нам неизвестно, что с
нами станет, -- добавил он, -- кроме
мертвых...

Павшие воины Третьей Роты ожидали
транспортировки в Нилбарос. На борту
"Огненной

Виверны" они будут в безопасности, пока не
стихнут бури, и «Грозовой Ястреб»
стоит

вернуться на «Гнев Вулкана», где их
погребут в пирюте ударного крейсера.

После удаления прогеноидов погибшие
Саламандры в полном боевом облачении
сжигались в

пирюте, а их прах использовался в
ритуале Прометея для почтения
героической смерти и

вдохновения живущих. Подобные действия
всегда проводились капелланом, но из-за
того, что в

этот раз Элизия не было вместе с ротой,
и не должен был находиться в
крематории ударного

крейсера до тех пор, пока он не
присоединится к ним, или они не вернутся
на Ноктюрн.

Такие болезненные мысли неизбежно
приводили к Фугису и его несвоевременной
кончине.

-- Я говорил с ним до начала задания, как
раз перед его гибелью, -- сказал Дак'ир,
устрепив взгляд
вдаль.

-- С кем?

-- С Фугисом. В келье уединения на борту
«Гнева Вулкана».

Ба'кен встал и потянулся к наплечнику,
разминая затекшие спину и плечи. Левый
наплечник

Ба'кена был снят, чтобы брат Эмек смог
выправить ему вывихнутое плечо.

-- Что он сказал? -- спросил Астартес,
опытными движениями прикрепляя броню
на место.

Не все из нас хотят вернуться обратно. Не все из нас могут вернуться обратно.

-- То, чего я никогда не забуду...

Дак'ир медленно покачал головой, встретив взгляд во тьму за пределами площади Аереона.

-- Не думаю, что мы здесь одни, Ба'кен, -- наконец сказал он.

-- Ясно, что нет -- мы воюем здесь со многими тысячами врагов.

-- Нет... кроме них, здесь есть что-то еще.

Ба'кен нахмурился.

-- И что же это, брат?

Голос Дак'ира стал твердым как камень.

-- Нечто худшее.

...

*

...

ДЕСАНТНЫЙ ОТСЕК «ОГНЕННОЙ наковальни» озарял яркий свет, когда

Дак'ур вошел в

«Лэндрейдер». Вращающаяся посреди
отсека схема отбрасывала резкий синий
свет, освещаая

металлическое помещение и собравшихся
в нем воинов Астарес. Четыре
присутствующих

Саламандры уже сняли боевые шлемы. Их
глаза тепло горели в полумраке в
противоположность

холодному свету гололита, изображавшего
Киррион.

Вызванный сюда Кагаем, Дак'ур оставил
Ба'кена у стены периметра, чтобы тот
смог

переворужиться и приготовиться к
следующему приступу Кирриона.

-- Наши дела пошли на много хуже без
огнеметов и мельт, -- сказал Кагай,
вместе с Н'келном кивая

зашедшему Дак'уру.

Цу'ган не снизошел до подобного
дружелюбия и слегка нахмурился.

-- В тактическом плане мы можем

удерживать площадь Аереона почти
бесконечно, -- продолжил

Кадай. -- Орудия «Громовай огонь» укрепят
нашу полосу обороны даже без подкреплений
с

«Гнева Вулкана» для компенсации потерь
в личном составе. Однако более глубокое
проникновение в город будет далеко не
простым (очень сложным).

Невозможность получить подкрепление
была тяжелым ударом, и Кадай сильно
рассердился из-за

этих новостей. Носивший в нем
твердый, как гранит, дух прагматизма,
уверенности в

собственных силах и самопожертвования
пересилил, и таким образом он полностью
сосредоточился на текущем задании,
оперируя только теми силами, которые
были у него в

наличии. В ответ на понесенные потери
Кадай объединил три группы
попустошителей в два

отделения под командованием Лока и

Откара, а команда раненого Ул'шана
попала в подчинение

д в у м д р у з и т с е р ж а н т а м . Без
подкрепления, тактические отделения
должны будут просто

выдержать возможные потери.

- - После смерти Фүзиса я не собираюсь
рисковать е щ е большим количеством
боевых братьев, --

сказал Кагай, залегшие н а л и ц е т е н и
заставляли его казаться обеспокоенным. --

Еретики

укрепились и хорошо вооружены. Нас мало.
Это едва л и было бы помехой, если бы мы
могли

использовать огнеметы, но, к сожалению,
это не так.

- - Е с т ь какой-либо способ очистить
воздух? - - спросил Н'келн. О н хрипел от
раны в груди,

полученной в о в р е м я отступления к
площади Аереона. Н'келн б ы л крепким,
надежным воином,

хотя у него н е было задатков лидера и

отсутствовала хитрость, необходимая
вышестоящим

командиром. И все же, он каждый раз
доказывал свою отвагу, и в этом его нельзя
было упрекнуть.

Это был очевидный и нужный вопрос.

В отраженный свет схемы ступил брат
Аргос.

Техногесантник был без шлема. Левая
часть его лица была закрыта стальной
пластиной с

выжженным на ней, подобно почетному
шраму, изображением рычащей
салатандры. Огненные

отметины жрецов-клеймошников
изгибами и лентами вились по его коже.
Бионический глаз

холодно светился в противовес его
собственному, горящему красным. Из
гладкого черепа,

подобно стальным опухолям, выступали
раздвоенные разъемы, и провода, извиваясь
у его шеи,

вели в нос.

Его голос был глубоким, резким и звенящим.

- Водородные выбросы, которые контролируются атмосферными процессорами Кирриона,

являются газообразной смесью, которая используется для наполнения оболочки стратосферных

дирижаблей. Это не естественное соединение и причина, по которой наши болтеры все еще

нормально функционируют. Хотя мне и удалось получить доступ к некоторым внутренним

системам города, я совершенно не разбираюсь в этих процессорах. Для этого потребуются местный

инженер, кто-то, кто обслуживал систему первоначально. К сожалению, мы не в состоянии найти

кого-либо с нужными навыками среди выживших и тех, кто все еще в городской западне, --

Аргос помедлил. -- Мне жаль, братья, но

любое использование зажигательного
оружия в пределах
города будет катастрофическим.

— Одно нам известно наверняка, —
продолжил Кадай, — появление выживших
гражданских сильно
препятствует любому массированному
наступлению. Я не буду напрасно
подвергать опасности
невинные жизни.

Цу'ган покачал головой.

— Со всем уважением, брат-капитан, но
если мы не будем действовать, косвенный
ущерб будет

намного худшим. Единственный наш шанс
состоит в том, чтобы провести мощную
атаку на

Киррион и взять его. Повстанцы не будут
ожидать столь стелого маневра.

— Мы не неуязвимы для вражеского оружия,
— возразил Дак'ир. — С подобным планом ты
рискуешь не только стратосцами. Что
насчет моих боевых братьев? Их служение
окончилось

смертью. Ты хочешь увеличить их число?
Для подобного маневра у нас слишком мало сил.

Лицо Цу'гана исказил гнев.

-- Сыны Вулкана! -- воскликнул он, ударив ладонями по нагруднику силовых доспехов.

-- Огненнорожденные, -- добавил он, сжимая кулак, -- вот кто мы такие. «На Наковальню Войны» --

таков наш девиз. Мне не страшны сражения и смерть, даже если для тебя это не так, изнеец.

-- Я ничего не боюсь, -- прорычал Дак'ур. -- Но я также не брошу своих братьев в самое горнило

без веской на то причины.

-- Хватит! -- голос капитана немедленно привлек внимание препирающихся сержантов. Кадай

впился в них взглядом, его глаза пылали гневом от подобной непочтительности к боевому брату.

-- Заканчивайте с этой враждой, -- предупредил он, остывая. -- Я не потерплю

подобного. У нас уже

есть противник.

Сержанты притирительно склонили
головы, продолжая, тем не менее, бросать
друг на друга злые
взгляды.

-- Массированного наступления не будет, --
подтвердил Кагай.

-- Н о э т о н е з н а ч и т , ч т о т ы б у д е т
б е з д е й с т в о в а т ь . Э т и е р е т и к и
ц е л е у с т р е м л е н н ы д о б е з у м и я ,

ведомые некой внешней силой. Никакая
идеология, даже наиболее фанатичная, не
могла довести

и х д о т а к о г о ... б е ш е н с т в а , -- д о б а в и л о н ,
повторяя высказанную Фугисом теорию.
Уголок рта

К а г а я с к р и в и л с я п р и к о р о т к о м
воспоминании. -- Верховный жрец культа,
этот Говорящий -- вот
ключ к победе на Стратосе.

-- Убийство лидера, -- заявил Цуган,
доблестно сжав кулаки.

Кагай кивнул.

- - Брат Аргос обнаружил структуру в центре храмового района под названием Аура Церон. Но

словат разведки полковника Тонхаузера, демагог находится там. Мы сделаем это, - капитан обвел

взглядом все помещение. - - Два боевых от деления опустошителей останутся здесь с братом

Аргосом, который, как и раньше, будет направлять нас. Это небольшое соединение вместе с

орудиями «Громоподобный огонь» будет удерживать площадь Аереона и защищать появляющихся

выживших.

Цу'ган нахмурился.

- - Площадь Аереона похожа скорее на лагерь для беженцев. Авиакорпус не сможет

транспортировать людей достаточно быстро. Они только будут нам мешать. Наше задание состоит

в том, чтобы сокрушить орду и

освободить это место от ужаса. Как нам
удастся сделать это, если

мы разделим силы, защищая людей? Нам
следует взять с собою всех боевых братьев,
каких только

возможно.

Кадай наклонился вперед. Его глаза
походили на пламенеющие угли, которые,
казалось, разгоняли

холодный свет гололита.

— Я не брошу их, Цу'ган. Мы не Злобные
Десантники или Терзатели Плоти, как и
не любые другие

и знаших кровопролитных братьев.
Саламандры той породы, которой и
следует по праву

гордиться. Мы будем защищать
невинных, даже если...

«Огненную Наковальню» встряхнуло от
внезапного толчка, и ее бронированный
корпус

завибрировал от приглушенного взрыва,
раздавшегося снаружи.

Брат Арзос немедленно опустил ратну, и

Салатандры бросились наружу, чтобы
узнать, что
произошло.

Огонь и дым окружали потемневший
кратер посреди площади Аереона. В нем
лежали

искореженные трупы нескольких
стратоских жителей в местах
многожествот солдат авиакорпуса,

чьи тела были изломаны взрывом бомбы.
В другом конце площади закричала
женщина. Она

упала, пытаясь убежать от еще одного
беженца, почему-то сжимавшего в руке
осколочную
гранату.

Цу'ган практически мгновенно вскинул
комби-болтер и выстрелил человеку в
грудь. Граната

выпала из рук повстанца и взорвалась.

Бегущую женщину и еще нескольких
других поглотила взрывная волна. Крик
стал сильнее.

Когда выкрикивал приказы, пока

сержанты вместе со своими отделениями
пытались подавить
внезапную панику.

В группы выживших людей проникло
несколько культистов, намереваясь
породить анархию и

массовые разрушения. Они в этом
преуспели. Респираторные маски отлично
скрывали их

«недостатки», позволяя проходить мимо
стратоских солдат и даже Астартес.

Ко'тан Кагай стоял на коленях, держа в
руках изломанное тело женщины. Он
побежал к ней,

когда дым все еще рассеивался после
взрыва. Она выглядела хрупкой и худой по
сравнению с

массивным телом Астартес, ее
уцелевшие кости, казалось, были готовы
слопаться от его

легчайшего прикосновения. И все же они не
ломались. Он держал ее нежно, будто
отец,

баюкающий своего ребенка. Она находилась

в сознании еще несколько секунд, его глаза
были

наполнены страхом, изо рта текла кровь
от обширной внутренней травмы.

-- Брат капитан? -- отважился спросить
Н'келн, появившись возле него.

Кагай осторожно положил мертвую
женщину и встал во весь рост. Его глаза
сузились до багровых

щелок, ужас из них отступил, сменявшись
яростью.

- - Два боевых отделения, - - произнес
капитан, на мгновение взглянув
Цу'гана, который

находился достаточно близко, чтобы
услышать его, но мудро решил не
выказывать недовольства.

-- Обыскивать каждого... каждого!

-- Теперь ясно, почему люди вышли из
укрытий. Культисты именно этого от
них и хотели, чтобы

воплотить в жизнь свой план... - - Ба'кен
тихо сказал Дак'иру, пока они наблюдали
за

происходящим.

Кадай прикоснулся к лицу и будто бы впервые заметил на пальцах кровь.

-- Все что нам нужно, так это доставить истребительную группу достаточно близко к Говорящему,

чтобы казнить его, и решительность культистов исчезнет, -- пообещал он. -- Мы выдвигается немедленно.

...

*

...

ПЯТЬ КИЛОМЕТРОВ, НАПОЛНЕННЫХ колючей проволокой, «волчьими ятами» и частично

уничтоженными улицами. Отряды убийц культистов раскапывали руины в поисках выживших

людей для пыток; прячущиеся в альковах смертники, сжимающие дрожащими

пальцами чеки

гранат; жрецы-свежевальщики, ведущие за собою толпы людей с защитными ртами. Это был

наиболее выгодный маршрут, который нашел техногесантник Аргос, чтобы его боевые братья

сумели добраться до Акры Церона.

Пройдя всего лишь два километра по этой адской дорожке, после всех прорывов сквозь засады и

непрекращающиеся мины-ловушки, Саламандры попали в еще один тупик.

Они стояли перед глиняной, но узкой эспланадой из обвалившегося пластика.

Лабиринтообразные противотанковые ёжики были врыты через каждые три-четыре метра,

увенчанные толстыми колючей проволокой. Большие черные колючки частично закопанных мин

тускло сверкали подобно спинам неких насекомых. Повсюду были вырыты «волчьи ямы»,

прекрасно скрытые при помощи партизанской стекалки.

Для того, чтобы достичь Ауры Церона, им придется преодолеть это поле смерти.

В его конце

располагалась плотная серая линия прокритовых бункеров, укрепленных броневыми плитами. Из

боковых щелей постоянно раздавался грохот трассирующих выстрелов, сопровождаемый

ритмичной приглушенной стрельбой из тяжелой пушки. Ничейная земля была накрыта огнем,

освещавшим трек в кошмарных чернотелых тонах.

Саламандры были не первыми, кто собирался пройти этим путем. Землю устилали тела стратоских

солдат, столь частые и безжизненные, как мешки с песком.

-- Окольного пути нет, -- доклад Дак'ира о реконсцировке был кратким после того, как он

попытался, хотя и безуспешно, найти
другой угол атаки. В столь узком кордоне,
где десять

костических десантников едва ли смогли
бы стать в ряд, боевая эффективность
Саламандр была
серьезно ограничена.

Капитан Кагай трачно смотрел на
огненный вихрь. «Агская Стража» и
опустошители Откара

стояли возле него, ожидая своей очереди
показаться во фронте атаки.

Не более чем в пятидесяти метрах от
них, отделение Цу'гана, пригибаясь за
группой

противотанковых ёжей, вело ответный
огонь, тогда как опустошители сержанта
Лока

обеспечивали и м огневую поддержку из
тяжелых болтеров. За каждый пройденный
метр им

приходилось платить кровью, но,
несмотря на то, что у Цу'гана было уже
три раненых воина, он

решиительно намеревался пройти как можно большее расстояние и подойти достаточно близко,

чтобы атаковать противотанковыми гранатами.

Линия фронта была растянутой. Они прошли так много, как могли, чтобы не рисковать под огнем

тяжелого оружия культистов. Повстанцы были так хорошо защищены, что выглядели только как

тени, до тех пор, пока их уродливые лица не освещались дульными вспышками.

Кадай носился по всей линии фронта, пытаясь обнаружить слабые места в обороне противника.

-- Что ты нашел, сержант? -- спросил он.

-- На восток и запад тянутся километры непроходимых баррикад и ущелий, -- ответил Дак'ир. --

Может ли мы повернуть назад, капитан, и попросить Аргоса найти другой путь?

-- Я видел фортификации, возведенные Имперским Кулаками, которые были

защищены хуже, --

пробормотал себе под нос Кагай, а затем повернулся к Дак'урү. -- Нет. Или мы сломим их здесь,

или не сломим вообще.

Дак'ур собирался ответить, когда по устройству связи прозвучал голос Цү'гана.

-- Капитан, мы можем пройти еще пять метров. Запрашиваю приказ о продвижении.

- - Отставить. Возвращайся сюда, сержант, и прикажи Локү удерживать полосу обороны. Нам нужен новый план.

Мимолетная пауза в разговоре показала очевидное недовольство Цү'гана, но его уважение к

Кагаю было абсолютным.

-- Уже идү, мой повелитель.

...

*

- Н а т н у ж н о п о д о в р а т ь с я
достаточно близко, чтобы забросать
стену противотанковыми

гранатами и пробить в ней брешь, --
сказал Цу'ган, вернувшись к тыловой
позиции Саламандр. --

Решительное фронтальное наступление --
единственный шанс сделать это.

-- Атака через огневой мешок будет
безумием, Цу'ган, -- возразил Дак'ур.

-- Мы только зря теряем боеприпасы, пока
прижаты тут, -- спорил Цу'ган. -- У тебя
есть какие-либо

идеи?

-- Должен быть другой путь, -- настаивал
Дак'ур.

-- Отступить, -- просто сказал Цу'ган,
сделав паузу, чтобы все осознали сказанное
им. -- Хотя я и не

желаю этого. Если мы не можем
прорваться, значит Киррион потерян.
Отступить и вызвать

«Огненную виверну». Использовать ее

ракеты для уничтожения гравитационных
двигателей и

сбросить все это адское место в океан.

Капитан был готов согласиться.

— Я обреку на гибель тысячи невинных
жизней.

— Но спасете миллионы, — настаивал
Цу'ган. — Если мир оказался испорченным
настолько, что ему

уже ничем невозможно помочь, или же его
захватили враги, то мы уничтожаем его,
вырезая это

пятно с лица галактики подобно раковой
опухоли. С городами дело должно обстоять
так же.

Стратос можно спасти. Киррион — нет.

— Ты говоришь о массовом убийстве как о
чем-то обыкновенном, Цу'ган, — ответил
Кагай.

— Такова участь воинов, мой повелитель.
Нас создали, чтобы сражаться и убивать,
нести порядок

во имя Императора.

Голос Кагая стал твердым.

-- Мне известна наша цель, сержант. Не позволяй себе рассказывать мне о ней.

Цу'ган смиренно склонил голову.

-- Я не хотел оскорбить вас, мой повелитель.

Кадай знал, что Цу'ган был прав, и это его злило. Куррион был потерян. Тяжело вздохнув, он

включил устройство связи.

-- Нам понадобится брат Арзос, чтобы вторгнуться в зону безопасности Стратоса и взорвать

небесные мосты, соединяющие Куррион, иначе он потянет за собою часть прилегающих городов,

-- в голос сказал он сам себе, прежде чем вернуться к устройству связи.

-- Брат Хе'кен.

Пилот «Огненной виверны» вышел на связь. «Грозовой Ястреб» стоял на посадочной платформе

за пределами Нимбароса.

-- Мой повелитель.

-- Готовься к скорому вылету и приготовь ракеты «Адский Удар». Мы покидаем город. Ты

получишь приказы через...

В боевом шлеме Кагая вновь затрещало устройство связи, обрывая его на полуслове.

Уз-за

критических помех сначала было тяжело различить голос, но когда Кагай узнал его, у него

похолодела кровь.

Это был Фугис. Апотекарий выжил.

...

*

...

-- ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ Я потерял сознание. Очнувшись, понял, что оказался в подуровнях города. Они

тянутся приблизительно два километра, достаточно глубоко для размещения массивных

подъемных двигателей, -- объяснял Фүгис со своей обычной желчностью.

-- Ты ранен, брат? -- спросил Кагай.

На канале воцарилась переплетаемая статикой тишина, и на мгновение он подумал, что вновь потерял апотекария.

-- Я получил некоторые повреждения и разбил к тому же боевой шлем. Все это время я пытался

починить устройство связи, -- наконец вернулся голос Фүгиса. В коротких перерывах можно было

услышать его гогихание. Оно было прерывистым и неровным. Апотекарий пытался скрыть собственную боль.

-- Где ты точно находишься, Фүгис? -- статические помехи вновь нарушили связь.

-- В туннельном комплексе под поверхностью. Но это может быть где угодно.

Кагай повернулся к Дак'иру.

-- Свяжись с братом Аргосом. Пусть он

зафиксирует сигнал Фугиса и вышлет нам координаты.

Дак'ур кивнул и принялся за дело, пока над головой приглушенно вела обстрел тяжелая пушка.

-- Послушай, -- сказал Фугис, треск статики усилился, -- я не один. Тут есть гражданские лица. Они

сбежали сюда с началом атак, и все это время скрывались.

Наступила еще одна короткая пауза, пока аптекарий обдумывал следующую фразу.

-- Город еще не наш.

Кадай объяснил ситуацию с водородной газовой смесью на поверхности, о том, как они не могли

пользоваться огнемётами и мельтатами, и это все (все это) только осложнялось фактом, что

культисты были прекрасно подготовлены и занимали хорошие позиции.

-- Выглядит так, будто им известна наша тактика, -- заключил он.

-- Газ не проник настолько глубоко, --

сказал ему Фугис. -- Но, возможно, я знаю,
как остановить
это.

-- Как, брат? -- спросил Кагай, и его голос
наполнился новой надеждой.

-- Человеческий инженер. Некоторые из
беженцев скрывались от газа так же, как и
от самих

повстанцев. Его зовут Банен. Если мы
выведем его из города и доставим к
техногесантнику,

Киррион можно будет очистить, --
многозначительная пауза предвещала
приближающийся
погвох.

-- Но этому есть цена, -- объяснил Фугис
через всплески потех.

Челюсти Кагая сжались под боевым
шлемом.

Всему есть своя цена...

Апотекарий продолжил.

-- Для очищения Кирриона от газа весь
поступающий воздух должен быть
проветилирован. Он

бюджет очень разреженным, и, прежде чем
восстановится, многие умрут от удущья.
Люди,

прячущиеся в о внешних пределах города,
вдали от теплой зоны активности
подземных

двигателей, вероятно, погибнут от
холода.

Оптимизм Кагай быстро угас.

-- Чтобы спасти Киррион, мне придется
приговорить его жителей.

-- Некоторые могут выжить, -- сказал
Фугис, хотя в его словах не было
уверенности.

-- В лучшем случае, их останется всего
горстка, -- заключил Кагай. -- Это не
выбор.

Вариант с разрушением гравитационных
двигателей был достаточно плохим.
Этот же был еще

худшим. Саламандры, гордившиеся своим
человеколюбием, присягнувшие защищать
слабых и

невинных, просто меняли один геноцид на

грозой.

Кадай сжал рукоять грозового молота. Он был черным, и его навершие было толстым и тяжелым,

подобно подручному инструменту кузнеца. Он выковал его в недрах Ноктюрна, где потоки горной

лавы освещали ониксовую кожу оранжевым светом. Кадай хотел вернуться туда, к наковальне и

жару кузницы. Молот был символом. Он походил на оружие, с которым Вулкан впервые встал на

защиту своего названного родного мира. В нем Кадай нашел решение, и в свою очередь силу,

чтобы сделать то, что должно.

-- Мы идем за тобой, брат, -- сказал он со стальной решительностью. -- Защищай инженера. Пусть

он будет готов к транспортировке до нашего прибытия.

-- Я буду держаться так долго, как только смогу.

В эфире вновь воцарился белый шум.

Кадай почувствовал, как стирение упало на его плечи подобно тяжелой мантии.

-- Брат Аргоз зафиксировал сигнал и передал его на ауспекс, -- сказал Дак'ур, отвлекая капитана от темных мыслей.

Кадай тряхнул головой.

-- Сержанты, разбейтесь на боевые отделения. Остальные остаются здесь, -- сказал он, вызывая своего заместителя.

-- Н'келн, -- обратился Кадай к сержанту-ветерану. -- Ты возглавишь экспедицию по спасению Фугиса.

В разговор вмешался Цуган.

-- Мой повелитель?

-- Как только ты уйдешь, повстанцы почти наверняка отведут отсюда свои силы. Мы не сможем

держать их тут, просто стоя на месте, -- объяснил Кадай. -- Нужно приковать их

внимание там, где

нам это будет нужно. Я намерен достичь этого, атакуя стену.

-- Капитан, это самоубийство, -- безобиняков сказал ему Дак'ир.

-- Возможно. Но я не могу позволить врагам добраться до Фугиса и человеческого инженера. Его

выживание имеет первостепенное значение. Ты знаешь, что Прометеев путь и есть

самопожертвование, сержант.

-- Со всем уважением, капитан, -- сказал Н'келн. -- Брат Маликант и я желаем остаться и сражаться вместе с остальными.

Стоявший позади сержанта-ветерана, Маликант, знаменосец роты, торжественно кивнул.

Оба Салатангры были ранены во время неудачной кампании по освобождению Кирриона. Из-за

ранения в ногу, полученного во время взрыва на площади Аереона, Маликант

тяжело опирался на

знамя роты, в то время как Н'келн
кривился от боли в раздробленных ребрах.

Кадай разгневался.

— Ты отказываешься повиноваться моим
приказам, сержант?

Не смотря на ярость капитана, Н'келн не
собирался отступить.

— Да, мой повелитель.

Кадай впился в него взглядом, но когда его
гнев прошел, он понял смысл слов Н'келна и
обнял

сержанта-ветерана за плечо.

— Держись т а к дол го, к а к сможешь.
Продвигайтесь лишь тогда, когда будете
вынуждены, и

атакуйте быстро. Тогда вы сможете
пройти через оружийный огонь без потерь, —
сказал ему Кадай.

— Своей жертвой вы делаете честь ордену.

Н'келн ударил кулаком о наплечник, а
затем вместе с Маликантом пошел на
переговory, где уже

ждали остальные.

-- Это было деяние чести, -- сказал он
воинам, наблюдавшим за удаляющимися
Саламанграми. Они

были исключительными воинами. Все его
боевые братья были такими. Кадай очень
гордился

всеми и каждым из них в отдельности. --
Фүгис ждет. В пламя битвы, братья...

-- На наковальню войны, -- все как один,
ответили они торжественно.

Саламангры уходили, оставляя своих
братьев наедине с их судьбой.

...

*

...

ТУННЕЛИ БЫЛИ ЗАБРОШЕНЫ.

Ба'кен целился болтером в окружающий
т р а к , е г о б о е в ы е ч у в с т в а б ы л и
сверхобострены от
напряжения.

-- Слишком тихо...

-- Ты бы предпочел сражение? -- спросил его
Дак'ур по устройству связи.

-- Да, -- честно ответил Ба'кен.

Сержант б ы л в нескольких метрах
впереди, Саламангры шли двумя рядами по
обе стороны

туннеля. Каждый костический десантник
удерживал дистанцию в пару метров (от)
впереди идущего боевого б р а т а , чтобы
прикрыть его спину и бок в случае засады.
Осветители

шлемов освещали темные коридоры,
создавая воображаемые опасности в
собиравшихся тенях.

Саламангры следовали з а сигналом
апотекария как за таяком. Сначала он вел
их на юг, туда,

откуда они пришли, к скрытому входу в
п о д у р о в н и К и р р и о н а . Бесчисленные
туннели не были

нанесены н и н а о д н у к а р т у города,
поэтому Аргос у н е было ничего о них
известно. Частный

комплекс проходов и бункеров
принадлежал аристократии Стратоса.
Двери в стенах туннелей
скользили в сторону с шумом
сравливаемого воздуха, и вели в богатые
убранные комнаты, мебель
в которых стояла неповрежденной и
покрытой слоем пыли. Открытые настежь
укрепленные
хранилища никем не охранялись, и
находящиеся внутри сокровища лежали
нетронутыми.

Несколько залов было забито техникой,
подключенной к криогенным резервуарам.

В
неподвижных гелях-растворах внутри них
разрастались фиолетовые бактерии. К
стеклам

резервуаров и внутри прижимались
раздувшиеся от гниения разлагающиеся
труны, чье

приостановленное существование
окончилось, когда прервалось
электропитание Кирриона.

Цзүщий впереди Кагай поднял руку, и Саламангры остановились.

Недалеко от капитана Ягон, стоявший в шаге от Цзү'ана, сверился с успехом.

-- Биопозаказатели в пятидесяти метрах впереди, -- прошипел он по устройству связи.

Узкое пространство наполнилось звуком передергиваемых затворов болтеров.

Кагай опустил руку, и Саламангры начали медленно передвигаться, стыкая ряды. Они до сих пор

не столкнулись с отпором культистов, но это не значило, что его не было.

Дак'ир услышал впереди какое-то движение, похожее на металл, скрежещущий о металл.

-- Молот! -- выкрикнул из темноты голос, сопровождаемый звуком входящего в казенную часть

болтерного заряда.

-- Наковальня! -- произнес Кагай остальную часть пароля, и опустил пистолет.

В двадцати метрах впереди опиравшийся

о переборку раненый воин Саламангр
медленно опустил
вытянутую руку с болт-пистолетом.
Облегчение в голосе Кагая было
ощутимым.

-- Спокойно. Это фугис. Мы нашли его.

...

*

...

БАНЕН ВЫШЕЛ ИЗ теней вместе с
маленькой группкой выживших. Низкий и
невзыскательный, он

носил кожаный передник и грязный
комбинезон, выпиравший из-за его тучной
фигуры. Его

измазанную слазкой лачушку обрамляла
пара очков.

Он не походил на человека, способного
уничтожить целый город.

От Кагая не скрылось
многозначительность стоявшего перед

ним решения, пока он разглядывал
человеческого инженера.

-- Ты можешь провентилировать
атмосферу Кирриона и очистить город от
газа?

-- Да, мой повелитель, -- из-за заикания
человек казался еще более безобидным.

Целясь болтерами наружу, Саламангры
сформировали защитный кордон вокруг
переборки, где

скрывались Фүгис и оставшиеся в живых.
У апотекария была сломана нога, но, по
крайней мере,

он все еще находился в сознании, хотя и не
в том состоянии, чтобы сражаться. После
обнаружения

апотекария на туннельный комплекс
опустилась жуткая тишина, будто сам
воздух затаил дыхание.

Кадай уставился на Банена.

Я подпишу смертный приговор тысячам...

-- Сопроводите их обратно на площадь
Аереона, -- сказал он брату Ба'кену. --
Начните очищение

города так скоро, как это будет возможно.

Ба'кен отдал честь. Саламангры расформировали оборонительное построение, когда столь долго

сдерживаемый воздух хлынул обратно.

В нескольких метрах далее по коридору, и з люка в крыше выпрыгнул одинокий повстанец,

сжатая в тонких пальцах граната.

В коридоре громко и хрипло взревели болтеры, разорвав культиста на куски. Взорвавшаяся

граната разлетелась в огненной буре. Саламангры встретили ее без колебания, прикрывая

бронированными телами напуганных людей.

Из темноты впереди них раздался звук сотен бегущих ног.

-- Боевое построение! -- выкрикнул Кагай.

И з-з а у г л а появилась толпа хищных повстанцев. Встроенные в стены и крышу люки внезапно

открылись, и оттуда потекли

культисты, подобно толстым вшам,
вылезавшим из трещин.

Кадай взвел пистолет.

-- Саламангры! Принесите им смерть!

Р а с ч е т к у л ь т и с т о в подтягивал
автомашку. Дак'и расстрелял их из
болтера, прежде чем они
успели установить оружие.

-- Ягон... -- Цу'ган попытался перекричать
бурлящий шум боя.

-- Атмосфера в норме, сэр, -- ответил воин
Саламангр, точно зная, что было на уме у
сержанта.

Цу'ган оскалил зубы в дикой улыбке.

-- Очищай и сжигай, -- прорычал он, и
прикрепленный к его колби-болтеру
огнетет взревел.

Ж и г к и й протетий воспламенился от
контакта с воздухом, извергая в коридор
всепожирющую
волну огня.

Шен'кар усилил пожарище собственным
огнететом. Пламя испепеляло
культистов, превращая их

тела в медленно рассыпающиеся тени за
отсвечивающим таревом.

Все это длилось едва ли несколько секунд.
После того, как пламя, наконец, утихло, на
эго месте

остался лишь дым и обугленные остатки.
Были уничтожены десятки повстанцев --
от некоторых не
осталось ничего, кроме пепла и костей.

...

*

...

-- ЯРОСТЬ ОГНЯ ПРИНЕСЁТ
Саламанграм победу в этой войне, -- сказал
Фүгис, когда Астартес вновь
готовились разделить силы. Апотекария
поддерживал Ба'кен, стоявший среди тех,
кому

предстояло вернуться на площадь Аереона.
Кадай был непреклонен насчет того, что
Фүгису и людям следовало предоставить

всю возможную

защиту. Если это означало сильное
доброе дело с и л Саламандр, тогда так
тому и быть. Капитан

будет прокладывать себе дальнейший
путь и шь с Цы'ганом, Дак'ином,
чемпионом роты

Век'шеном и почетным братом
Шен'каром в качестве свиты. Остальные
возвращались обратно.

-- Я уверен в этом, -- ответил Кадай, став
напротив него. -- Но ценой тысяч жизней. Я
надеюсь

лишь на то, что цена будет достойной
этого, старый друг.

-- Достойна ли этого любая цена? --
спросил Фугис.

Апотекарий больше не говорил о
Киррионе. В уме Кадая вспыхнуло горькое
воспоминание, но он

тут же подавил его.

-- Пришлите весть, что когда достигнете
площади Аереона и удалите газ. До тех
пор мы будем

ждать здесь.

Фугис кивнул, хотя это принесло апотекарию еще немало боли.

— Во имя Вулкана, — сказал он, отдавая воинское приветствие.

Кадай повторил слова, ударив кулаком о нагрудную пластину. Апотекарий бросил на него

прощальный утешительный взгляд, прежде чем дать Ба'кену увести себя. Кадаю едва ли было

легко от мысли о тысячах безвинных, которые все еще находились в городе, и их незнании того,

что с ними скоро должно было произойти — судьба, которую он создал собственными руками.

— Император, прости меня... — тихо прошептал он, смотря вслед уходящим Саламанграм.

...

*

НАД ПЛОЩАДЬЮ ВОЗВЫШАЛСЯ
остов Аурь Церона. Когда-то, как и
большая часть Кирриона, он

был прекрасным в своей строгости -- белое
серебро, сплавленное с холодным
латинатором. Теперь он

был храмом бойни. Его стены были
покрыты кровью, просачивающейся в
трещины искусно

созданного мозаичного пола. Безавишую
вокруг обширных границ храма высокую
внешнюю стену

прерывали упавшие колонны.
Установленные в затененных альковах
статуи были обезглавлены

или испачканы грязью, портя их бледное
бесстертие.

Каменная кладка была измазана грубыми
символами, восхваляющими темную славу
«Культы

Правды». Над расстрескавшимся потолком
в задней части зала доминировал темный
алтарь,

преображенный зазубренными клинками и
занятный кровью. Вырванные из
структуры

подбрюшья Кирриона металлические
перекладины были целиком притащены в
храм, оставив на

тусклом тротуаре рваные следы. С них, в
качестве подношений богам Хаоса, свисали
почерневшие

труны, останки верных стратосцев.
Оскверненная святыня Императора
Человечества, Аура Церон

стала теперь приютом разложения, куда
поклоняться приходили лишь проклятые.

Низиланполучал удовольствие в
унижении храма, рассматривая издалека
инструменты своей

темной воли.

-- Нам не стоит оставаться здесь, колдун.
Мы получили то, зачем пришли, -- из
теньей проскрежетал

голос, отдающий дытом и перлом.

-- У нас здесь двойная цель, Рамлек, --
раздражающим терным тоном ответил

Низилан. -- Мы

достигли лишь первой части.

Отступник Воин Дракона оглядел окровавленную площадь Акры Церона из почерневшей

приетной над единственным алтарем. Он с интересом наблюдал за Говорящим, обманывающим и

убеждающим массы культистов, греющихся в неестественной ауре его змеиной риторики.

Клеймо, которое Низилан выжег на плоти Верховного жреца более трех месяцев назад, когда

Воины Дракона впервые пришли на Стратос, хорошо распространилось. Оно почти заразило все

его лицо. Посаженное колдунот селя скоро должно было созреть.

-- Жизнь за жизнь, Ратлек -- тебе это известно. Горган готов?

-- Да, -- проскрежетал рогатый воин.

Низилан тонко улыбнулся. Рубцы на его лице растянулись от редкого

использования этих мышц.

-- Наши враги скоро придут, -- прошипел он, и по его кулаку затрещала психическая сила, -- и тогда мы отомстим.

...

*

...

ГЛАЗА, ПОДОБНЫЕ ЗЕРКАЛЬНОМУ
стеклу, смотрели из-под сводчатого
прохода тавзолея, более

слепые, немигающие в своей смерти. На
губах и веках мертвеца скопились
крошечные кристаллы

льда, заставляя их отвисать будто бы в
летаргии. Несчастный бедняга был
наполовину вытащен из

каменной могилы, его ослабевшая
безжизненная голова свисала над краем.

Он был не один. По всему храмовому
району лежали мертвые горожане и

повстанцы, погибшие от

угушья, когда началась вентиляция
атмосферных процессоров. Некоторые
сжимали друг друга в

последних отчаянных объятиях,
стирившись с освоей участью; другие
боролись, уцепились в

собственное горло в тщетной попытке
наполнить воздухом легкие.

Руины храмового района были тревожно
тихими. Это казалось странно уместным
тишина

опустилась подобно савану на расколотые
монолиты и трачные толельни; акры
кладбищ, посреди

которых возвышались усыпальницы и
склепы; закутанные в мантии статуи,
созбенные от темного
воспоминания.

-- Так много смерти... -- произнес Дак'ур,
вспомнив об еще одном месте, в котором
он был

десятилетия назад, и взглянул на
капитана. Кадай, казалось, переносил все

это стоически, но

Дак'ур мог сказать, что это не оставляло его безучастным.

Саламандры прошли через город, не встретив сопротивления, крадась подземными дорогами

частного тоннельного комплекса. Хотя у него и не было карты подземного лабиринта,

техногесантник Арго определил маршрут, основываясь на расположении скрытого входа и

визуальных докладах его боевых братьев, которые он и передавали по мере продвижения через

тусклые туннели. После часа блужданий у них и темными коридорами, Саламандры, наконец,

выбрались наружу, чтобы столкнуться с торжественностью храмового района.

По словам Кагая, и там следовало ожидать сопротивления. Но правде говоря, он был бы даже рад

этому. Нечто, что могло его отвлечь от

ужасного деяния, которое он был вынужден совершить с

жителями Кирриона. Но отпора не было -- Саламангры прошли через белые ворота храмового

района без стычек, и все же напоминания о поступке Кагая скрывались в каждом алькове и

затемненном городском убежище.

К счастью, Фугис и остальные прибыли на площадь Аереона без происшествий. Кагая начали

одолевать бурные чувства, когда к нему по устройству связи пришло сообщение апотекария. Это

был обоюдоострый меч, спасение, но за огромную плату -- уничтожение людей Кирриона.

-- Аэра Церон находится в полукилометре к северу, -- проскрежетал по устройству связи

металлический голос Аргоса, отрывая его от дальнейшего сатоанализа.

-- Я вижу его. -- решительно ответил

Кагай.

Отключив связь с техногесантником, он обратился к свите.

-- Люди Курриона заплатили своими жизнями за шанс окончить эту войну. Пусть же их жертва не

будет напрасной. Так или иначе, все закончится сегодня. За мной, братья. Во имя Вулкана.

Храм Ауры Церона вырисовывался впереди подобно костяной руке, ухватившейся за черное как столь небо.

...

*

...

ДАКУР, ПРИГИБАЯСЬ, ШЁЛ затененными альковами вдоль западной стены храма. Напротив него, через сумрачную пучину нефа храма, вдоль боковой стены крался Цу'ган.

Кадай и остальная часть свиты медленно приближалась к центру, прячась за разрушенными

колоннами и обломками рухнувшей крыши Аурь Церона. Несмотря на силовые доспехи, они

двигались тихо, и не высовываясь, подбираясь все ближе к цели.

Сотни культистов с нагетыми на их лицах с защитными ртами респираторами, распростерлись ниц

перед своим терзким верховным жрецом. Говорящий стоял на трапаторном постаменте,

облаченный в синие одеяния подобно его обращенной конгрегации. В отличие от нававших ниц

перед ним последователей с защитными проволокой ртами, Говорящий не был нем. Скорее

наоборот. Из его раздувшейся пасти с почерневшими пняти зубов внутри, вытирал извивающийся

фиолетовый язык. Урогливый отросток

крүтился и хлестал по сторонам, будто
живой. Из рта

Говорящего извергалась непостижимая
догма, модулировавшаяся демоническим
языком. Даже

звучание самих слов грызло чувства
Дак'ура, и он подавил их, догадавшись, чем
была эта мутация

-- заразой Хаоса. Это объясняло, как когда-
то о недовольные уроженцы Стратоса,
которые, всего

несколько месяцев назад были немногими
более чем мелкими подстрекателями,
смогли ввести

такую непоколебимую верность, к тому
же в таких количествах.

Окружающая верховного жреца элита
фанатичных войск, кольцо из восьми
жрецов-свежевателей,

стояла на коленях с вытянутыми перед
ними церемониальными ценными мечами.

...

*

...

О ТУВУДЕННОЙ ПОРЧУ Цу'гана
остался горький привкус во рту. Какой бы
грязный обряд эти

дегенеративные отбросы не пытались
совершить, Саламандры окончат его огнем
и мечем. Он

чувствовал, как в его груди разгорается
пламя фанатизма, и ему очень захотелось
показаться сейчас

рядом с капитаном, идти вместе с ним
прямо к врагу, а не сидеть здесь, охраняя
тени.

Пусть изнеец прячется по окраинам,
подумал он. Мне предназначены более
славные деяния.

Высокомерные размышления Цу'гана
прервал гик и крик. Извергая
неразборчивую гатрибу,

Говорящий безумно указывал на вышедших
и закрытый Кагая и в других

Саламандр.

Трусливые последователи с жуткой синхронностью среагировали на предупреждение своего

хозяина и бросились к тройке нарушителей с явным намерением убить их.

Шен'кар поднял огнемёт и с боевым криком на устах испепелил ряд взбешенных культистов.

Век'шен, вращая огненной глефой, атаковал следом за пламенем, едва пламя успело утихнуть.

Изготовленное вручную оружие пожинало ужасный урожай отсеченных конечностей и голов,

всплески зажигательного вещества поджигали тела каждым пламенеющим ударом.

Кадай был похож на неустанную бурю, и воинское сердце Цу'гана воспарило от такого мастерства

и ярости. Направляя свой пламенный гнев, капитан проделал выстрелом и з инферно-

пистолета

рваное отверстие в одном из жрецов-
свежевальщиков, прежде чем сокрушить
грозовым молотом

ему череп.

Когда жалкий священник с разтозженной
головой умер, Кагай подал сигнал, и
засевшие в

альковах Цү'ган и Дак'ур начали вести
фланговый огонь из болтеров.

Культисты валились на землю,
разрываемые напопалат его яростной
очередью, и Цү'ган больше

не мог сдерживать жажду битвы. Он не
будет сидеть здесь, играя роль стража. Он
хотел быть

вместе с капитаном и смотреть в глаза
противникам, которых он повергал. Дак'ур
стожит

удерживать периметр и без его помощи.
В любом случае, врагов здесь хватит для
всех.

Выкрикивая клятвы Вүлкану, Цү'ган
покинул свой пост и ринулся прямо в гущу

сражения.

...

*

...

ДАКИР ЗАМЕТИЛ ДУЛЬНУЮ вспышку
болтера Цу'гана и громко выругался, поняв,
что он

ослушался приказов и покинул стену.
Размышляя, не поступить ли и ему
подобным образом, он

увидел прорубающегося сквозь толпу
еретиков Кагая. Он находился почти в
шаге от Говорящего

и уже поднимал инферно-пистолет.

-- Во имя Вулкана! -- взревел он,
приготовившись навсегда покончить с
угрозой «Культы Правды»,

когда над бойней прозрел единственный
выстрел, и Говорящий с наполовину
сношенной

разрывным снарядом головой рухнул на

землю.

...

*

...

Т Я С О И К Р О В в застреленного

Говорящего забрызгало госпехи Кадая, и он

в шоке опустил

пистолет. На битву опустилось странное

затишье, враги неестественно замерли

посреди атаки,

пока капитан Саламандр отслеживал

источник выстрела.

Над ним располагался паранет, с которого

открывался вид на неф храма. Кадай

поднял взгляд

повыше, когда из собиравшихся теней

вышла фигура в кроваво-красных госпехах с

дытящимся

болт-пистолетом в руке.

Пластинчатые госпехи воина украшали

чешуйки, подобные телу, что были у

первобытных ящеров

архаической эры. Его перчатки были
созданы в виде лап с длинными алыми
когтями, вокруг

которых потрескивающими рубиновыми
дугами мелькали молнии. В одной руке он
сжимал посох

с исполненной в серебре головой ревущего
дракона на наконечнике, а в другой -- болт-
пистолет,

который он возвращал в кобур. Широкие
наплечники в описи сидели подобно
укрепленным

чешуйчатой оловом, на каждом из
которых располагался шип. Он был без
боевого шлема и

открыто носил ужасные лицевые шрамы.
Огонь погубил когда-то благородное лицо
воина,

исказив, поглотив и перекрава его облик в
не что, что состояло из морщинистой
ткани, красных

рубцов и открытой кости. Это было лицо
смерти, отвратительное и обвиняющее.

Носине Кагая внезапно пробежался
холодок, будто он погрузился в лед.
Стоявшее перед ним

существо было призраком, наваждением,
давным-давно погибшим в ужасной агонии.
И все же,

оно было из плоти и крови, призванное из
могилы, будто некий мстительный дух.

-- Нигилан...

-- Капитан, -- ответило наваждение, его
голос потрескивал подобно иссохшей земле,
испеченной

под безжалостным солнцем. Его жгучие
красные глаза вспыхнули.

Шок Кагая быстро прошел, и он напрягся,
подчиняясь праведному гневу.

-- Отступник, -- взревел он.

...

*

...

ОТ СОЗЕРЦАНИЯ ВОИНА грудь Дак'ира

охватила сильнейшая боль, и он погрузился
в икотирье
своих грёз.

Храм исчез, и осталось лишь серое небо
Морибара. В бесконечный стальной
небосвод

устреплялись костяные монолиты, вголь
бесчисленных кладбищенских дорог
тянулись ряды

склепов, поля тавзолеев и долины гробниц.
Через легионы могил и фаланги склепов,
вголь

погруженных в катакомбы батальонов
усыпальниц, Дак'ир шел по дороге, пока не
достиг конца.

И здесь, под холодной сырой землей,
лежала огромная печь крематория —
кипящая, горящая, ее

терцающее зарево было ни теплым, ни
манящим.

Видение изменилось, и тело Дак'ира
пронзила боль. Он схватился за грудь, но
черного панциря

там больше не было. Он вновь был

скаутом, стоящим у края крематория —
огромной огненной
ямы, достаточно большой, чтобы
поглотить Титана, и горящей, все время
горящей в жидком
ядре Морибара.

Дак'ирыв и гелс вух Астартес,
карабкающихся по краю этих врат адской
погибели. Нугилан

отчаянно цеплялся за капитана Ушорака,
чьи черные доспехи покрывались
выбоинами и

трещинами от исходящего снизу
сильнейшего жара.

В каверне бушевал сильный пожар. Он
пузырился и выбрасывал в воздух огненные
каскады

плютажей лавы. Из крематория вырвался
гигантский столб огня. Дак'ир закрыл
глаза, когда

огненный вал накрыл воинов.

Чьи-то сильные руки схватили Дак'ира за
плечи оттянули от пламени,
поглотившего

отступников, которых они хотели
предать правосудию, но не убить. Нигилан,
едва видимый за
плотной завесой огня, кричал, и его лицо
горело...

Вновь оказавшись в настоящем, на
Да к ' и р а н а х л ы н у л о тошнотворное
головокружение, и он
попытался взять себя в руки. В о р т у у
н е з о б ы л привкус крови, и в глазах
мельтешили черные
точки. Стянув боевой шлем, он пытался
вдохнуть.

В храме кто-то говорил...

...

*

...

- ТЫ ВЕДЬ УМЕР, - подозрительно
сказал Кадай, смотря на воина. Он
старался побороть невидимое
давление, не дающее ему нанести удар по

отступнику, но его руки стали будто
свинцовыми.

- Я выжил, - ответил Нигилан, чье
травмированное лицо исказилось от
поддерживания

психического давления, против воли
Саламангр держащего поле битвы в
стазисе.

- Ты должен был встретить правосудие, а
не смерть, - сказал ему Кадай, а затем
мстительно

улыбнулся. - Ты вызвал перегрузку
крематория, всколыхнувшую и без того
нестабильное ядро

Морибара, чтобы спасти собственную
шкуру, и попытаться убить меня и моих
братьев в

начавшейся суматохе. Гибель Ушорака
было твоих рук дело, твоих и его.

- Не смей говорить о нем! - закричал
Нигилан, и из его глаз, сжатых кулаков и
психосилового

посоха вырвались алые молнии. После
мимолетной вспышки ярости к Воину

Дракона вернулось

самооблагание. -- Убийца здесь ты, Кагай --
ничтожный генералишко, который пойдёт
на все,

лишь бы поймать свою добычу. Но,
возможно, ты прав... я умер и возродился.

Кагаю удалось приподнять инферно-
пистолет. Нигилан постепенно слабел.
Капитан готовился

одним рывком поднять его и пристрелить
предателя на месте, когда тело
Говорящего забилося в
конвульсиях.

-- Это уже не важно, -- добавил Воин
Дракона, отступая обратно в тени
паранета. -- Только не гля
тебя...

Как только Нигилан разжал психическую
хватку, Кагай выстрелил и з инферно-
пистолета,

расплавив кусок паранета. Салатангры
готовились кинуться з а н и м в погоню,
когда окутавшая

Говорящего ужасная аура необъяснимым

образом подняла труп так, что он повис в
воздухе, будто

бы повешенный на невидимом крюке.

Мучительно медленно он поднял
подбородок, открыл уничтоженное
разрывным снарядом лицо.

Частично оставшаяся на окровавленном
черепе гладкая красная плоть блестела в
рассеянном

свете. Голова Говорящего была похожа на
разбившееся яйцо. Внутри виднелась
светящаяся

кобальтовая кожа. Сломанная кость
превратилась в вызванное из темной
нереальности злобное

обличье, когда нечто... неестественное...
пыталось проникнуть в материальное
измерение.

Глаз сияющего трака взглянул с
потусторонней злостью. Когда-то
выжженная на лбу Говорящего

восьмиконечная звезда воспылала на
материализирующемся чудовище. Она
становилась все

более растянутой и будто бы живой, пульсируя подобно уродливому сердцу, когда тварь из варна

начала увеличиваться в размерах. Из мертвой плоти пробивались похожие на луковицу наросты,

увенчанные кусками позвонков. Его пальцы начали увеличиваться, будто бы их растягивали

невидимыми нитками, и из них вырвались длинные, острые и черные когти. Широкая часть

существа в подражании первичной мутации Говорящего начала вытягиваться еще сильнее, пока не

превратилась лишенную губ бездну, внутри которой извивался язык с тремя выступами, каждый

из которых заканчивался окровавленной костью.

Культисты завопили от страха и обожания, когда труп Говорящего был полностью обращен.

Жрецы-свежевальщики поклялись в своей

нелюбимой преданности, вновь обратив ценные
мечи на

Саламандр.

Выванное и з эфирной дремы существо
было первобытным и лишь частично
разумным, и его

пожирал сильный душевный голод. Взревев
от ярости и тоски, оно ринулось к Кагаю,
поглотив по

пути пару жрецов-свежевальщиков. Тварь
заглотнула их подобно некому ужасному
василиску, и

когда добыча попала в его разбухшую
глотку, Астартес услышали явственный
хруст костей.

-- Тварь... -- выдохнул Кагай и схватился за
рукоять грозового молота, готовясь
ударить демона

и со всех сил. Нигилан продал свою душу
темным силам, что только
подтверждалось его

преступными действиями.

- Утри, адское отродье! - воскликнул
Век'шен, становясь между капитаном и

освободившимся

демоном. Вращая огненной глефой с такой скоростью, что она превратилась в пылающую дугу,

чемпион роты нанес настолько мощный удар сверху вниз, что он разрубил бы даже воеводу орков.

Демон парировал удар когтями, сжав ими глефу. Из рта-бездны метнулся язык и стремительно

обернулся вокруг Век'шена. Саламангра открыл рот в бессловесном вопле, когда существо

окончательно его сокрушило.

Кадай взревел и бросился на демона, когда обмякшее тело его боевого брата, раздавленное в том

месте, где его стиснул язык, рухнуло на землю.

...

*

ДАКУР ПРИХОДИЛ В чувство.
Говорящий был мертв, хотя он и не видел,
как это произошло, тот

лежал с простреленной головой у ног
Кагая. Но он пропустил не только это,
пока находился во

в л а с т и сна-воспоминания. Э а время,
ушедшее н а т о , чтобы е з о т е л о и
тренировки одолели

вызванную воспоминанием длительную
тошноту, Нугилан уже отступал в тени.
Покинув

фланговую позицию, Дак'ур бежал к нефу,
решившись на преследование, когда группа
культистов

преградила ему путь.

-- Цу'ган! -- крикнул он, вспоров брюхо
одного повстанца цепным мечом и
выстрелив из болтера в

лицо другого, -- останови отступника!

Саламандра кивнул со столь редко
проявляемой симпатией и бросился за
Нугиланом.

Да к'и р пробивался сквозь разъяренную
толпу, когда увидел поднимавшееся тело
Говорящего, и
почувствовал, как его кожу защищало от
касания варна...

...

*

...

ЦУ'ГАНБЕЖАЛН Онефү, убивая
культистов кулаками, разрывая на куски
сгрудившиеся кучи

болтерным огнем. Краем глаза он едва
увидел Шен'кара, испепеляющего ряды
еретических

паразитов яркими струями пламени.

Выбив деревянную дверь позади храма,
Цү'ган обнаружил ведущий к паранету
пролет из

каменных ступеней. Перепрыгивая по три
ступени за раз при помощи
серводвигателей в гонимых,

он ворвался в затемненную приемную.

Внизу что-то происходило. Он услышал как Век'шен выкрикнул призыв к оружию, а затем

опустилась тишина, будто бы все звуки исчезли во внезапно образовавшемся вакууме.

Возникшие в темноте горящие красные глаза одали его холодным взглядом.

-- Цу'ган... -- сказал Нигилан, выходя из трака.

-- Предательское отродье! -- с яростью выкрикнул Саламангра.

Но Цу'ган не поднял болтер и не поразил врага на месте. Он просто продолжал стоять, казалось,

его мускулы были закованными в янтарь.

-- Что... -- начал он, но обнаружил, что и язык у него стал свинцовым.

- - Колдовство, - - сказал ему Нигилан, поверхность его психосилового посоха переливалась

сверкающей энергией. Она отбрасывала во трак эфемерные вспышки света, освещая

устрашающий облик приближавшегося к
неподвижному воину Астартес колдуня.

-- Я могу убить тебя прямо сейчас, --
откровенно произнес он. -- Погасить свет в
твоих глазах, и

убить тебя, как Кагай Ушорака.

-- Вам предложили искупление, -- Цу'ган
из всех сил пытался сформулировать
слова возражения,

одной лишь силой воли заставляя язык
повиноваться.

Зловещее выражение на лице Нигилана
стенилось негодованием.

-- Так это было искупление? Духовная кара
отрук Элизия, паручасовс его
хирургеонати-

гознавателями - - н е э т о л и н а м
предложили? -- Он безрадостно растеялся.

-- Этот ублюдок мог

вынести лишь смертный приговор.

Ступив ближе, Нигилан заговорил
искренним тоном.

- - Ушорак предложил жизнь. Силу, --
выдохнул он. - - Свободу от кандалов,

принуждающих нас

прислуживать этому человеческому
смоту, когда мы могли бы править им.

Говоря это, Воин Дракона сжал кулак,
погодя уже так близко, что Цу'ган
чувствовал медный
запах его дыхания.

-- Ты видишь, брат. Мы не настолько
разные.

-- Мы непохожи, предатель, -- отрезал воин
Саламандр, кривясь даже от простой
попытки
говорить.

Нугилан отступил назад, печально
разведя руками.

-- Тогда может выстрел в голову, чтобы
закончить мою ересь? -- его приподнятая
губа выражала

неудовольствие. -- Или лишение звания,
или клеймо кающегося вместилища твоих
штифтов выслуги
лет?

Он покачал головой.

-- Нет... не гутаю. Хотя, возможно, я
отмечу тебя клеймом, брат, -- Нигилан
показал Саламандре

ладони широко развел пальцы. --
Интересно, ты будешь сопротивляться
разложению сильнее,
чем та человеческая марионетка?

Цу'ган вздрогнул при приближении
Нигилана, ожидая, что в любое мгновение
он выпустит всю
существующую мерзость Хаоса.

-- Не бойся, -- проскрежетал Нигилан,
настелив сжав руку обратно в кулак.

-- Я ничего не боюсь, -- рявкнул Цу'ган.

Колдун презрительно фыркнул.

-- Ты боишься всего, Саламандра.

Цу'ган почувствовал, как его ботинки
заскребли по полу, когда психическая сила
потянула его к
краю паранета.

-- Хватит разговоров, -- выплюнул он. --
Сбрось меня. Если тебе так хочется,
переломай мое тело.

Орден выследит тебя, отступник, и в
следующий раз не дадут шанс на
искупление.

Низилан взглянул на него так, как
взрослый смотрит на несмышленого
ребенка.

-- Ты все еще не понимаешь, нет?

Тело Цу'гана медленно развернулось так,
чтобы он смог увидеть происходившую
внизу битву.

Культисты нагали толпами, сожженные
и зогнемета Шен'кара и л и же
выпотрошенные цепным

мечом Дак'ира. Его братья сражались на
пределе своих сил, сдерживая орду, пока их
возлюбленный капитан сражался за свою
жизнь.

Доспехи ручной работы Када я были
пробиты в десятке мест от нападений
демонического

существа, облаченного в плоть
Говорящего. Когти, подобные глиняным
прорезам, в которых

виднелась сатаночья, градом ударов

сынались на капитана, но он выдерживал их, проводя

ответные атаки громовым молотом. В его устах звучало имя Вулкана, когда извершившаяся

выкованного в кузне молота с треском вырвалась молния и опалила заимствованную плоть демона.

-- Я был предан Ушоракү, прямо как ты своему капитану... -- сказал Нигилан на ухо Цү'ганү, пока

тот смотрел на разворачивающуюся внизу битву с порождением ада.

Кадай ударил демона в плечо, сокрушив конечность, и конечность того безвольно повисла.

-- ... Кадай убил его, -- продолжил Нигилан.

-- Он заставил нас искать утешение в Оке. Мы бежали

и оставались там на протяжении десятилетий...

В прорехах приземистой фигуры демона зашипел ихор, он цеплялся за реальность

все слабее, пока

Кагай неумотимо разил его кулаком и
молотом.

-- ... В той реальности время течет по-
другому. Нам казалось, будто прошли
столетия, прежде чем
мы нашли выход оттуда.

Из раздвинувшегося горла демонического
существа вырвался хор воплей, когда Кагай
сокрушил его

череп и изгнал обратно в варн, вместе с
поглощенными им душами, молившими о
помощи.

-- Он изменил меня. Открыл мне глаза.
Теперь я вижу многое. Цы'ган, тебя
ожидает великая

судьба, но ее отрачает некто другой, --
Нигилан слегка кивнул в сторону Дак'ира.

Изнеец сражался с отвагой, рубя последних
культистов на пути к Кагаю.

-- Даже сейчас он мчится к твоему
капитану... -- коварно сказал Нигилан, --
надеясь получить его

расположение.

Цу'ган знал, что лживому языку предателя нельзя было верить, но сказанные им слова повторяли его давно зародившиеся подозрения.

И так, без ведома Саламандры, Нигилан посадил семя. Н о с у т ь е г о б ы л а н е демонической. Нет,

о н о и с х о д и л о и з м е л о ч н о й р е в н о с т и и а м б и ц и й, и м е н н о и з т о г о, п р о т и в ч е г о у Цу'гана не было защиты.

-- Этот культ, -- продолжил давить Воин Дракона, -- Он -- ничто. Стратос ничто. Даже сам город

бесстысленный. Все это было ради него!

Кадай тяжело опирался на громовой толот, устав после убийства демона.

Нигилан улыбнулся, и покрытая шрамами кожа его лица закрипела.

Капитан за капитана.

Понимание поразило Цу'гана подобно холодному клинку.

С л и ш к о м п о з д н о о н з а м е т и л п р и б л и з и в ш у ю с я с з а д и т е н ь . В о и н ы

Дракона, наконец, захлопнули
ловушку. Бросив пост, он позволил им
проникнуть мимо стражей Саламандр.
Культисты служили
лишь в качестве отвлечения, истинный
же враг появился лишь сейчас.
Каким же он был дураком.

-- Нет!

Одной лишь силой воли он сломил
психическую хватку Нигилана. Проревев
имя капитана, Цу'ган
соскочил с паранета. Хриплый стех
следовал за ним весь путь вниз.

...

*

...

ДАКУР ПОЧТИ ДОСТИГ Кагая, когда
отступник погнался мультимельт.
Выкрикнув
предупреждение, он метнулся к капитану.
Кадай повернулся к нему, в то же время

услышав

доносившийся сверху крик Цу'гана, а затем
проследил за наполненными ужасом
глазами Дак'ира.

Темному прорезал сверкающий луч.

Он попал в Кагая, и его тело испарилось в
актинической вспышке.

Интенсивный порыв жара сбил Дак'ира с
ног - ударная волна ужасного взрыва
мельтешит. Он

почувствовал запах опаленной плоти. В
его чувства ворвался раскаленный шип
агонии. Его лицо
горело, как во сне...

Дак'ир понял, что сейчас потеряет
сознание, его тело готовилось
выключиться, когда анабиозная

мембрана отметила перенесенные воином
обширные травмы. Ступно, как если бы он
был

похоронен заживо и слушаая из под слоя
земли, он услышал голос сержанта Н'келна
и его боевых

братьев. Дак'ир сумел повернуть голову.

Последнее, что он увидел, прежде чем
сознание

покинуло его, был Цуган, бросившийся на
колени перед обугленными останками их
капитана.

...

*

...

проснувшись, доктор
обнаружил, что лежит в
апотекарione «Гнева Вулкана». Внутри
аскетичного зала было холодно как в
могиле,-track рассеивался светящимися
символами на

медицинской аппаратуре вокруг него.

С пробуждением пришли воспоминания, а с
ними -- горе и отчаяние.

Кадай был мертв.

- - Добро пожаловать обратно, брат, --
произнес тихий голос. Лицо Фугиса было
более тонким и

измощенным чем когда-либо, когда он
возник над Дак'иром.

Душевная туча дополнялась физической
болью, и Дак'ир потянулся к лицу, когда
оно начало
печь.

Фүгис схватил его за плечи, прежде чем
он успел прикоснуться к нему.

-- Я бы этого не делал, -- предупредил он
сержанта. -- Твоя кожа очень сильно
обгорела. Ты

исцеляешься, но плоть все еще чрезмерно
нежная.

Фүгис отпустил руку, и Дак'ир убрал ее.
Чтобы ослабить боль, аптекарь ввел
ему порцию

наркотиков через внутривенную
капельницу.

Дак'ир расслабился, когда болеутоляющие
начали действовать, катализируя
естественные

регенеративные процессы его тела.

-- Что случилось? -- его горло казалось
шершавым и воспаленным, и ему

приходилось выдавливать

и з себя слова. Фүзис отступил от
медицинского стола Дак'ира чтобы
проверить контрольные

приборы. При ходьбе он прихрамывал -- на
его ноге была закреплена временная
аугментическая

шина для заживления перелома,
полученного во время падения. Фүзис был
упрямым до

жестокосердия, и ничто не могло
помешать ему продолжать свою работу.

-- Стратос спасен, -- просто сказал он, стоя
спиной к Саламандре. -- Когда Говорящий
погиб и наши

огнеметы снова смогли работать,
повстанцы были быстро уничтожены.

Бүри прекратились через

час после того, как мы вернулись на
площадь Аереона. Библиарий Нириил
прибыл спустя

двадцать минут с остальными силами
роты для поддержки войск Н'келна,
который захватил стену

и уже был на пути к Ауре Церону...

-- Но не успел спасти Кагая, -- закончил вместо него Дак'ир.

Фугис прекратил работать и сжал приборную панель, которую он отлаживал.

-- Да, даже его генное семя не удалось спасти.

Комната погрузилась в продолжительную наполненную горем тишину, прежде чем аптекарий продолжил.

-- Корабль, тип «Буревестник», покинул планету, но мы слишком опоздали, чтобы начинать преследование.

Злоба в голосе Дак'ира могла покорежить металл.

-- Нигилан и остальные отступники сбежали.

-- Одному Вулкану известно куда, -- ответил Фугис, повернувшись к пациенту лицом. -- Третьей

ротой командует библиарий Нириил, до тех пор как Магистр Оргена Ту'Шан не

назначит кого-то

на постоянной основе.

Дак'ур нахмурился.

— Мы летим домой?

— Наше дежурство в Поясе Агрона закончено. Мы возвращаемся на Прометей, чтобы восстановить силы и зализать раны.

— Мое лицо... — отважился сказать Дак'ур после долгой паузы, — я хочу увидеть его.

— Конечно, — произнес Фугис и показал Саламандре зеркало.

Часть лица Дак'ура была обожжена. Почти половина его ониксово-черной кожи стала

практически белой из-за сильного жара от выстрела тельты. Грубое и злое, оно, тем не менее,

выглядело почти человеческим.

— Реакция на интенсивное излучение, — начал объяснять Фугис. — Повреждение привело к

регрессии клеток, вернувшись к форме,

предшествовавшей генетическому
почернению кожи, когда
ты стал Астартес. Я пока не могу
сказать наверняка, но она не показывает
признаков немедленной
регенерации.

Дак'ур продолжал смотреть, затерявшись
в глубинах собственного отражения и
погобии

человечности в нем. Фугис прервал
размышления Саламангры.

-- Я тебя оставлю в покое, а это -- унесу, --
произнес он, забирая зеркало. -- Твое
состояние

стабильно, и сейчас я больше ничем не
могу тебе помочь. Я вернусь через пару
часов. Твоему телу

нужно время для исцеления, прежде чем
ты снова сможешь сражаться. Отдыхай, --
сказал ему

апотекарий. -- Надеюсь, когда я вернусь,
ты все еще будешь здесь.

Апотекарий вышел и похромал в какую-то
глубокую часть корабля. Но когда дверь за

нит закрылась

с шипением срамливаемого воздуха.
Дак'ур понял, что был здесь не один.

-- Цу'ган?

Он почувствовал присутствие брата даже
до того, как увидел его выходящим из
тени.

- - Б р а т , - - т е п л о прохрипел Дак'ур,
вспоминая момент близости между ними,
когда они вместе
сражались в храме.

Сердечность испарилась, подобно
украденному холодным ветром теплу огня,
когда Дак'ур увидел
траченное лицо Цу'гана.

-- Ты непригоден быть Астартес, -- без
обиняков сказал он. -- Смерть Кагая на
твоих руках, изнеет.

Е с л и б ы т ы н е послал меня за
отступником, если бы ты был достаточно
быстрым, чтобы

отреагировать на возникшую опасность,
ты бы не потеряли капитана.

Горящие глаза Цу'гана были холодными

как лег.

-- Я этого не забуду.

Дак'ир был настолько ошеломлен и даже не нашелся, что ответить, прежде чем

Цу'ган повернулся

к нему спиной и вышел из апотекариона.

Сердце и душа Дак'ира наполнилась тучкой, пока он пытался отбросить ужасные обвинения брата,

но затем усталость взяла верх, и он погрузился в глубокий прерывистый сон.

Впервые за сорок лет сон изменился...

...

*

...

С И Д Я В ДЕСАНТНОМ отсечении «Буревестника», Нигилан вновь и вновь крутил в руке устройство,

украденное и хранилища в глубинах Кириона. Вокруг колдуна находились другие Воины

Дракoнa - - великан Ратлeк, выдыхавший
и з воздуха распределительной решетки
крошечные

кусочки пепла и золы в попытке совладать
с бесконечным гневом; Гор'ган, его
чешуйчатая кожа

онагала, когда он снял боевой шлем,
баюкающий мультимедийно подобно
домашнему любимцу;

Нор'хак, привережливо и методично
собиравший и разбиравший свое оружие.
Еще был Экрин, его

плот, остававшийся охранять
«Буревестник», чьи кости-лезвия на
предплечьях были тщательно

спрятаны под силовым доспехом, пока он
вел корабль к конечной точке назначения.

Воины Дракона пошли на огромный риск,
пытаясь добыть устройство, ил даже
пришлось разжечь

настоящее восстание ради отвлечения
внимания от своих передвижений. Смерть
Кагая в

результате уловки особенно

удовлетворяла, это был неожиданный, хотя и приятный сюрприз для Нугилана.

«Бүрөвестник» находился в полной готовности даже прежде, чем ловушка в Ауре Цероне

захлопнулась. Пока рвущиеся толпы самоубийственных культистов обеспечивали им прикрытие,

отступники быстро покинули атмосферу Стратоса.

- - Как т а л о о н и понимают... -
проскрежетал Нугилан, внимательно изучая каждую грань

позолоченного предмета на ладони. Казалось бы, такой безвредный кусочек загадки, внутри

двенадцати пятиугольных поверхностей, вдоль ортогровов эзотерического писания, обволакивавшего его двенадцатигранную поверхность, там был способ раскрыть тайны.

В этом и состояла цель дешифрекса - открывать то, что было скрыто. Нугилан

столкнулся с этой

загадкой в свитках Келока, древних пергаментях, которые он и Ушорак сорок лет назад забрали из

могилы Келока на Морибаре. Тот был технократом и недооцененным гением. Он создал нечто --

оружие, намного превосходившее все то, что могла предоставить убогая наука текущего века

распада. Нигилан хотел воссоздать его работу.

Более тысячи лет внутри Глаза Ужаса он терпеливо вынашивал свою месть, и теперь, наконец,

начал получать то, что ему нужно было для уничтожения своих врагов.

-- Приближается к «Адскому ловчему», -- по voxу прозвучал загробный голос Экрина.

Нигилан застегнул гравинагвески. Когда они сошлись на его бронированные плечи,

удерживая его на месте во время посадки, он уставился в стотровую щель

«Бүрөвестника». Там,

на фоне успокоившегося кобальтового моря, виднелся стоявший на якоре корабль цвета

расплавленного металла. Это был древний корабль со старыми ранами и еще более старыми

призраками. Его нос имел форму зазубренного лезвия, будто бы пробившего в пустоте дыру. Но

его бортах располагались батареи орудий, чья пушечная бронха была серой и почерневшей от

пороха. Десятки башен и антенн тянулись вверх подобно скрюченным пальцам.

Корабль вошел в Глаз Ужаса обычной боевой баржей, но вышел оттуда уже чем-то совершенно

иным. Это было судно Нигилана, и на борту колдун уже ждал его воины — отступники,

наемники и перебежчики; пираты, налетчики и грабители. Они собрались здесь, чтобы стать

свидетелями его победы и медленного
воплощения в жизнь его желания —
тотального и полного
уничтожения Ноктюрна, а вместе с ним и
смерти Саламандр.